
ISSN: 2658-512X

Уральский журнал
правовых исследований
Периодическое сетевое издание

Основан в октябре 2018 года

Периодичность: 6 раз в год

№ 3, 2019

Учредитель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет»

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Авдеева Ольга Алексеевна

Козырин Александр Александрович

Васильев Александр Максимович

Калистратов Александр Алексеевич

Кузнецова Полина Владиславовна

Попова Елена Сергеевна

Синицина Елизавета Владимировна

Мехонцева Анастасия Артемовна

Дементьев Данил Ильич

Редакционный совет:

Председатель редакционного совета: Сергеев Данил Назипович – к.ю.н., доцент кафедры уголовного права УрГЮУ; ;

Секретарь редакционного совета: Сурина Елизавета Сергеевна

Азаренок Николай Васильевич – к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса УрГЮУ;

Васильев Артем Сергеевич – к.ю.н., доцент кафедры гражданского права УрГЮУ;

Козаченко Иван Яковлевич – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права УрГЮУ;

Корте Густаво – доктор наук, директор центра междисциплинарных исследований (Сан-Пауло, Бразилия);

Лихачев Максим Александрович – к.ю.н., доцент кафедры международного и европейского права УрГЮУ;

Мочалов Артур Николаевич – к.ю.н., доцент кафедры конституционного права УрГЮУ;

Радостева Юлия Викторовна – к.ю.н., доцент кафедры уголовного права УрГЮУ;

Самсон Бенджамин – доктор наук, заместитель прокурора г. Манила (Филлипины);

Ярков Владимир Владимирович – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса УрГЮУ.

Свидетельство о регистрации от 31.08.2018 г. № ЭЛ № ФС 77-73574

Адрес редакции: 620137, Свердловская обл., г. Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 23, оф. 307

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»

ISSN: 2658-512X

Ural Journal of Legal Research

Periodical online media

Founded in October, 2018

Periodicity: 6 times a year

№ 3, 2019

Founder: Federal State-Funded Educational Institution «Ural State Law University»

Editors:

Chief editor: Avdeeva Olga Alexeevna

Kozyrin Alexander Alexandrovich

Vasiliev Alexander Maksimovich

Kalistratov Alexander Alexeevich

Kuznetsova Polina Vladislavovna

Popova Elena Sergeevna

Sinitsina Elizaveta Vladimirovna

Mekhotseva Anastasia Artemovna

Dementiev Danil Ilyich

Editorial Committee:

Editorial Committee Chairman: Sergeev Danil Nazipovich – Candidate of Juridical Sciences, assistant professor of the Criminal Law department, Ural State Law University;

Editorial Committee Secretary: Surina Elizaveta Sergeevna

Azarenok Nikolai Vasilievich – Candidate of Juridical Sciences, assistant professor of the Criminal Procedure department, Ural State Law University;

Vasiliev Artem Sergeevich – Candidate of Juridical Sciences, assistant professor of the Civil Law department, Ural State Law University;

Kozachenko Ivan Yakovlevich – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, professor, Head of the Criminal Law department, Ural State Law University;

Gustavo Korte – PhD, Head of the Interdisciplinary Research Center (São Paulo, Brazil);

Likhachev Maksim Alexandrovich – Candidate of Juridical Sciences, assistant professor of the International and European Law department, Ural State Law University;

Mochalov Artur Nikolaevich – Candidate of Juridical Sciences, assistant professor of the Constitutional Law department, Ural State Law University;

Radosteva Yulia Viktorovna – Candidate of Juridical Sciences, assistant professor of the Criminal Law department, Ural State Law University;

Samson Benjamin – PhD, Deputy Prosecutor of the Manila (Philippines);

Yarkov Vladimir Vladimirovich – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, professor, Head of the Civil Procedure department, Ural State Law University.

Registration Certificate: ЭЛ № ФС 77-73574, 31.08.2018

Address: 620137, Sverdlovsk oblast, Yekaterinburg,
Komsomolskaya st., 23, office 307

© Ural State Law University

УДК 347

Козырин Александр Александрович (AlexKozyrin@mail.ru)

Студент Уральского филиала

Исследовательского центра частного права

имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации

Alexandr A. Kozyrin

The Research Center for Private Law named after S.S. Alekseev

Under the President of the Russian Federation

The Ural Branch, Student

Агалаков Даниил Владиславович (danechka.agalakov@mail.ru)

Студент Санкт-Петербургского

Политехнического университета Петра Великого

Daniil V. Agalakov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Student

Научный руководитель:

Васильев Артем Сергеевич

Доцент кафедры гражданского права

Уральского государственного юридического университета

Кандидат юридических наук

Academic supervisor:

Artem S. Vasiliev

Assistant professor of Civil Law department

Ural State Law University

Candidate of Juridical Sciences

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ИНТЕРНЕТЕ:

ОБЗОР ПРОБЛЕМАТИКИ

PROTECTION OF RIGHTS OF CONSUMERS IN THE INTERNET SPHERE: PROBLEMS REVIEW

Аннотация: В статье делается обзор похожих проблем защиты прав потребителей в Интернете. Авторы выделяют типы наиболее частых случаев нарушения прав потребителей (уход судов от признания наличия прав потребителей, сокрытие информации об условиях предоставлений, арбитражные оговорки, Система социального рейтинга) и указывают, какие механизмы российского потребительского права необходимо применять и разрабатывать для защиты в данных случаях.

Ключевые слова: потребительское право, потребители, арбитражная оговорка, лицензионное соглашение, Система социального рейтинга, предоставление необходимой и достоверной информации, аккаунт пользователя в социальной сети.

Abstract: The article is devoted to the review of typical cases where rights of consumers should be protected. Authors point out most common cases of infringements of consumers' rights (courts' retreat from admitting of rights of consumers, suppression of information regarding the treaties' conditions, arbitration clauses, Social Credit System) and conclude, which mechanisms of Russian consumer law should be used and developed for protection of the rights in the described cases of infringements.

Key words: consumer law, consumers, arbitration clause, license agreement, Social Credit System, consideration of necessary and reliable information, user account.

Введение. Являясь слабым и необходимо оберегаемым участником гражданского оборота, потребитель должен иметь возможность уверенно выбирать товары и услуги. От этого, в сущности, зависит такая в широком смысле социальная ценность как качество и безопасность общественной жизни. Поэтому в настоящее время потребительское право разрабатывается

в крупнейших юрисдикциях, и, в том числе, речь идет о разработке регулирования защиты прав потребителей в сфере Интернета.

Если обратиться к преамбуле Закона РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 18.03.2019 г.) «О защите прав потребителей» (далее по тексту – Закон о защите прав потребителей), видно, что мотивами вступления в потребительские контракты являются «личные, семейные, домашние и иные нужды, не связанные с осуществлением предпринимательской деятельности».¹

Именно таковы мотивы большинства пользователей Всемирной Сети, которые проводят в Интернете досуг, ищут бытовую информацию, а порой приобретают так называемые виртуальные объекты гражданских прав (предметы в онлайн-игра, страницы и аккаунты в социальных сетях, доменные имена и т.д. [1, с. 50–51]). Но в равной степени с тем, что большинство пользователей являются потребителями по терминологии названного закона, можно говорить и о том, что права потребителей в Интернете массово нарушаются. Правообладатели объектов интеллектуальных прав включают в договоры, необходимые для использования ресурсов Интернета, заведомо обременительные условия. Судебная практика чаще всего отказывает в возвращении вложенных в виртуальное пространство денег, а порой вовсе в возможности получить судебную защиту [2].

В данной работе авторам хотелось бы проанализировать особенности наиболее частых типов нарушения прав потребителей в Интернете. Не рассчитывая на исчерпывающее решение проблем, тем не менее полагаем, что материал станет полезной ступенью для будущих исследований.

1. «Уход судов от признания наличия прав потребителей». Поскольку начало активных разбирательств по поводу защиты прав пользователей-физических лиц было положено пользователями онлайн-игр, в российской судебной практике изначально присутствовал элемент непризнания экономической значимости данных отношений – и фактический вывод их

¹ О защите прав потребителей: закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 18.03.2019 г.) // Собрание законодательства Рос. Фед. 1996. № 3. Ст. 140.

из-под судебной защиты. Так, распространенным подходом, из-за которого пользователи-потребители получали (и, к сожалению, порой получают) отказ в защите, стала квалификация правоотношений в качестве отношений из игр и пари. В обоснование данного подхода приводится ссылка на п. 1 ст. 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ): «Требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, не подлежат судебной защите». Представляется, в подобных позициях отношения соотносятся с нормой ст. 1062 ГК РФ слишком буквально. Чтобы происходить из игры или пари, обязательство должно иметь в основе наступление события, относительно которого неясно, наступит оно или нет [3]. Совершенно ясно, что очень многие отношения в виртуальном пространстве вовсе не связаны ни с участием в спорах на деньги о каких-либо рискованных событиях, ни в других играх. В тех же онлайн-играх и социальных сетях пользователи скорее ценят времяпровождение, возможность общаться с другими людьми. Цели вступления в правоотношения здесь гораздо больше подпадают под конститутивный признак из Закона о защите прав потребителей: намерение заключить сделку «исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности». Но тем не менее примеров этой ошибки в квалификации много.²

Вместе с тем в практике встречаются более редкие противоположные примеры. Например, Апелляционное определение Ленинского районного суда г. Кемерово от 26 апреля 2013 г., где отношения были квалифицированы по Закону о защите прав потребителей, а квалификация по ст. 1062 ГК РФ была отвергнута. Суд указал: «...отсутствует условие о «выигрыше», т. е. о денежных средствах или ином имуществе, в том числе

2 Постановление Президиума Московского городского суда от 24 мая 2013 г. по делу № 44г-45, Определения Костромского областного суда от 12 мая 2010 г. по делу № 33-562, от 31 мая 2010 г. по делу № 33-672, Решение Басманного районного суда от 17 августа 2010 г. по делу № 2-2360/10, Решение Лефортовского районного суда г. Москвы от 5 октября 2010 г., Решение мирового суда судебного участка № 352 Басманного района г. Москвы от 1 февраля 2011 г. № 2-01/11.

имущественных правах, подлежащих выплате или передаче участнику азартной игры при наступлении результата азартной игры, предусмотренного правилами, установленными организатором азартной игры, в связи с чем, отсутствует существенное условие «азартной игры» или «пари»...».³

Более «опасной» и активно применяемой сейчас является другая квалификация. В деле, по которому было вынесено Определение Московского городского суда от 16.11.2015 г., с аккаунтов истца в онлайн-игре были сняты дополнительные преимущества (бонусы, которые можно было приобрести, чтобы усилить игрового персонажа). Эти преимущества пользователь оплатил – оплату ему не вернули. Правообладатель сделал это в одностороннем порядке, ссылаясь на условия лицензионного соглашения, где односторонний порядок был заложен в стандартных условиях, обязательных для согласия (подобные онлайн-игры, как и многие другие виртуальные пространства, организованы по модели «take-it-or-leave-it»). Дело дошло до кассационной инстанции, но суд поставил точку следующим пассажем: «...При разрешении заявленных исковых требований, суд первой инстанции обоснованно исходил из того, **что гражданско-правовые отношения регулируются Законом РФ «О защите прав потребителей» лишь в части, не урегулированной Гражданским кодексом РФ и иными специальными законами, содержащими нормы гражданского права**, а также из того, что блокирование аккаунта истца администратором игры производилось по той причине, что использование истцом дополнительных платных сервисов могло привести к сбою игрового процесса, а это могло повлечь невозможность для других пользователей продолжать игру и явилось бы нарушением их интересов... При таких обстоятельствах **довод апелляционной жалобы о том, что истец не получил необходимой и достоверной информации о предоставляемых дополнительных платных услугах и о возможности их отключения, противоречит фактическим обстоятельствам дела, так как**

³ Апелляционное определение Ленинского районного суда г. Кемерово от 26 апреля 2013 г., по делу №11-59/2013.

при регистрации в проекте истец присоединился к Пользовательскому соглашению, согласился с Правилами игры, которые размещены на сайте и находятся в открытом доступе...».⁴

Получается, что против записанных в лицензионном соглашении действий никакой защиты нет вовсе. Но не потому, что отношения относятся к играм и пари – а исходя из специального характера норм ГК РФ и принципа «*Lex specialis derogat legi generali*». Эта позиция тоже встречается во многих случаях⁵, но, как и предыдущая, она в корне ошибочна.

Во-первых, присоединение к условиям лицензионного соглашения не означает, что пользователь, как слабая сторона, оказывается полностью подчинен условиям. В законодательстве РФ есть механизмы корректировки договорных условий для поддержания баланса интересов: как ст. 428 ГК РФ (для фактически слабой стороны, в том числе для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность [4]), так и п. 1 ст. 16 Закона о защите прав потребителей, предусматривающий недействительность условий, снижающих уровень гарантий потребительских прав. Наличие таких механизмов, как минимум, должно заставить правоприменителя выяснить: являются ли пользователи потребителями, и являются ли условия ущемляющими уровень гарантий. Как было обосновано во «Введении», большинство пользователей имеют потребительские мотивы вступления в контракты. Закон указывает также и на явно обременительный характер условий об одностороннем отказе (в переложении на факты подобных дел – блокировки аккаунтов). П. 2 ст. 310 ГК РФ императивно предусматривает, что право на одностороннее изменение может предоставляться только стороне-непредпринимателю. Исключения возможны при указании в законе или ином правовом акте, но таких исключений нет. Напротив, ст. 29 Закона о защите прав потребителей предоставляет право на отказ при существенных недостатках именно слабой стороне.

4 Определении Московского городского суда от 16 ноября 2015 г. № 4г/6-11858/15.

5 Постановление Президиума Московского городского суда от 24.05.2013 г. по делу № 44г-45, Апелляционное определение Московского городского суда от 14.03.2018 г. по делу № 33-10610.

Во-вторых, **нормы ГК РФ не могут рассматриваться в данном случае как специальные.** Формально возможность говорить об их специальном характере дает п. 2 ПП ВС РФ от 28.06.2012 г., где указывается, что специальными относительно потребительских могут быть нормы в том числе по договору страхования, участия в долевом строительстве, перевозки.⁶ Но в Пленуме сформулировано, что **применение должно производиться в части, «не урегулированной специальными законами»**, – речь идет о том, что потребители как слабые участники оборота **должны в принципе получать более детальное регулирование, в каком бы законе нормы не находились.** Если посмотреть главу 48 ГК РФ, видно, что правила о страховании расписаны очень подробно, в том числе, для физических лиц предусмотрены дополнительные гарантии: например, согласно п. 1 ст. 928 ГК РФ страховщик не может внести в стандартные условия страхования противоправных интересов, так как сделка будет ничтожна. Долевому строительству и перевозке вовсе посвящены большие детализированные законы. В это же время в статьях, посвященных лицензионному договору (ст. 1235–1239 ГК РФ), вопросы баланса интересов не расписаны никак. Указывая, что в случаях споров пользователей и правообладателей нормы ГК РФ имеют специальный характер, **суды называют специальными общие нормы ГК РФ о договорах, но это является логической ошибкой.**

Возможным аргументом в пользу применения правил лицензионного соглашения может являться то, что по своей природе договоры между пользователями и правообладателями являются именно тем, чем называются. То есть, обычными лицензионными договорами, и потому применяются нормы кодекса. Как представляется, такая квалификация верна лишь отчасти, поскольку в предмет подобных договоров входит не только передача права использования объектов интеллектуальных прав (она завершается

⁶ О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 г. Российская газета – Федеральный выпуск № 156(5829).

в момент присоединения пользователя к предоставляемой программе). В нее входят и различные действия правообладателя: модераторство в социальных сетях, обновление программы, поддержание порядка в играх, предоставление дополнительного, уже заложенного в программу функционала за плату. Правильной представляется квалификация подобных отношений, которая была дана в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-2062/2015 от 06.03.2015 г. по спору ООО «Мейл.ру Геймз» и налоговой инспекции. Суд указал, что с учетом производимых правообладателем оплачиваемых действий после предоставления объекта интеллектуальных прав, договор является смешанным, и также включает в себя элементы договора возмездного оказания услуг.⁷ Позиция устояла в кассационной инстанции. Как видится, с ее применения может начаться последовательное признание прав потребителей-пользователей как имеющих в своем основании договор, поскольку договоры возмездного оказания услуг охватываются Законом о защите прав потребителей.

Стоит отметить, что в российском законодательстве применение потребительского права могло бы решить и другие проблемы, связанные с навязанными условиями соглашений. Внимания заслуживают споры, связанные с наследованием аккаунтов умерших. Подобный спор по поводу доступа к аккаунту погибшей девочки дошел до Верховного Суда Германии: родители подали иск о предоставлении доступа к Facebook. Поставив в деле точку, Верховный Суд указал, что право наследника на доступ к странице в социальной сети вытекает из «...обязательственного характера правоотношений между наследодателем – пользователем и оператором. Поэтому пользовательское соглашение Facebook очевидно подлежит регулированию положениями Гражданского Уложения ФРГ об общих

⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-2062/2015 от 06 марта 2015 года по делу № А40-91072/14. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/277fdd53-f30b-4de4-a282-732bc448297e/6ea0a79c-ec4b-4d73-a6e1-1b82e8664971/A40-91072-2014_20150306_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 21.09.2019 г.).

условиях сделок...» [5]. Таким образом, автоматически предусмотренный пункт о блокировке аккаунта не может лишить наследников права получить аккаунт по правопреемству. В случае российского законодательства, подобное положение лицензионного соглашения можно признать недействительным по ст. 16 Закона о защите прав потребителей.

2. «Соккрытие информации о предоставлениях». Одной из главных гарантий прав потребителя является право на получение информации, поскольку он презумптивно ограничен в возможностях полностью проверить ее самостоятельно. Так, к примеру, в ст. 10 Закона о защите прав потребителей предусмотрено, что указанию подлежит «цена в рублях и условия приобретения товаров (работ, услуг), в том числе при оплате товаров (работ, услуг) через определенное время после их передачи (выполнения, оказания) потребителю, полную сумму, подлежащую выплате потребителем, и график погашения этой суммы». Хотя данное положение не включает конкретных примеров, из него ясно следует, что, воспринимая предложение через интернет-сайты, потребитель должен иметь возможность сразу получить представление о некоторой значимой информации. Например, **о полной цене** услуги. Возможно, уместным критерием могла бы стать «интуитивная понятность» сайта. То есть его ориентированность на уже знакомые и понятные пользователю алгоритмы работы, которые ясным образом ведут его по интерфейсу [6]. Так, в европейской культуре принято читать тексты слева направо и сверху вниз. Если текст на сайте будет написан наоборот, подобный сайт, очевидно, не будет отвечать критериям предоставления потребителю информации – он изначально интуитивно непонятен. Для его восприятия требуются дополнительные усилия, в то время как право России не возлагает на потребителя такой стандарт поведения.

Примеров подобного, более изощренного сокрытия информации можно привести много. Внимания заслуживает интересный случай, связанный с игрой Star Wars Battlefront II – одной из самых ожидаемых игр 2017 года.

Опробовавшие демо-версию игры пользователи выяснили, что без дополнительных микротранзакций часть контента игры (например, такого важного персонажа Star Wars как Дарта Вейдера) практически невозможно открыть [7]. Изначально никто из пользователей не рассчитывал на подобные траты: о них можно было узнать лишь после приобретения. Либо заранее прикидывать, сколько дополнительных трат игровая компания вложит в игру, но, как уже было отмечено, возложение на пользователей таких обязанностей нарушает требование Закона о защите прав потребителей по предоставлению информации.

Подобное закладывание дополнительных трат встречается на сайтах авиакомпаний. Например, при покупке билетов на сайте Аэрофлота происходит различное страхование пользователя. Но, страховка, зачастую, занимает несколько листов сложной для понимания лексики. Пользователю не всегда удобно это читать, поэтому он порой действует наугад. К тому же, эта страховка находится в отдельном слоте сайта, и пользователь может просто не обратить на нее внимание, потратив больше средств, чем рассчитывал [8]. При покупке билетов на сайте авиакомпании «Победа» на странице, где осуществляется изначальное предложение, цена и вовсе ниже итоговой. Это происходит за счет того, что, нажимая на предложение, пользователь видит одну цену, но далее плата увеличивается за счеты цены страховки, выбора места и т. д. [9].

3. «Арбитражные оговорки». Помимо в целом обременительных условий материально-правового характера, в лицензионные соглашения порой вносят «процессуальные препятствия». Так, самым известным примером, связанным со спором о правах на предметы в онлайн-игре, является дело «Брэгг против Линден Лаб». В нем аккаунт пользователя Марка Брэгга заблокировали, согласно правилам игры, после того как Брэгг воспользовался багом и купил виртуальный земельный участок по цене, ниже установленной правилами игры. Однако вместе с данным земельным

участком с аккаунта списали и прочие активы, которые Брэгг без нарушений заработал за несколько лет – ущерб составил несколько тысяч долларов. В суде представители Линден Лаб обратились с ходатайством о прекращении дела, поскольку проживающий в Пенсильвании Брэгг не воспользовался, как это было предусмотрено оговоркой в лицензионном соглашении, дорогими услугами арбитров из Калифорнии. Однако суд признал арбитражную оговорку недействительной, как нарушающую права потребителя⁸, и компания пошла на мировое соглашение.

Более яркими такие примеры являются, когда по договорной подсудности арбитражные оговорки переводят споры в суды другой страны. Так, в уже упомянутом Апелляционном определении Московского городского суда от 14 марта 2018 г. известная в России компания Wargaming.net указала в арбитражной оговорке, что споры должны разрешаться в судах Республики Кипр.⁹ Суд встал на сторону компании, но, как представляется, условие, возлагающее на физическое лицо пользователя обязанность обращаться в иностранный суд, также правильно квалифицировать как недействительное по ст. 16 Закона о защите прав потребителей.

4. «Система социального рейтинга». Несмотря на то, что проблема, о которой пойдет речь, сейчас не является острой, на взгляд авторов, в будущем здесь возможны многочисленные споры. Дело в том, что так называемые Системы социального рейтинга используются для сбора массивов данных, по которым потенциальным контрагентам заранее дается оценка. Подобным образом контрагентов в настоящее время проверяют банки: изучив множество данных, сотрудники делают вывод о платежеспособности потенциального заемщика, стоит ли заключать с ним договор или нет. Но если банки действуют «своими силами», то, что называется Системой социального рейтинга, предоставит в области проверок неизмеримо большие возможности. Обратимся к наиболее масштабному примеру

8 BRAGG v. LINDEN RESEARCH, INC. Memorandum. Judge Eduardo C. Robreno, J. May 30, 2007. p. 44.

9 Апелляционное определение Московского городского суда от 14.03.2018 г. по делу № 33-10610.

воплощения Системы социального рейтинга – Китаю [10]. Поддерживаемая государством информационная система позволяет банкам формировать базу данных относительно контрагентов. Для оценки кредитоспособности банки получают данные о судимости за совершение преступлений и правонарушений, постановке на учет в наркологических учреждениях, попаданиях в ДТП, ненадлежащем исполнении других предшествующих частно-правовых обязательств. При этом тенденция идет лишь к расширению перечня данных, которые также будут доступны для оценки, и от рейтинга в системе в зависимости должны быть поставлены не только отношения с банками, но и пользование другими социальными благами (авиатранспортом, возможность покупки жилья определенных категорий, социальные льготы и т. д.) [11]. Но если речь о потребительских договорах, всегда ли потребитель заслуживает последствий такой оценки?

Представляется, что для значительных групп населения, на которых ориентировано потребительское право, системы могут повлечь два негативных последствия. Во-первых, Система социального рейтинга предоставит массу возможностей включать новые, явно обременительные условия в договоры присоединения. Так, например, мыслим сюжет, когда пользователь, попавший в ДТП, вечером обнаружит, что у него заблокирован аккаунт в социальной сети, и все средства на нем. Причиной окажется снижение рейтинга в базе, к которой программа будет иметь автоматический доступ – уйти от навязывания подобных условий будет сложно, потребители уже в значительной степени эмоционально и социально связаны с определенными интернет-сервисами. При появлении неограниченной в доступе системы социального рейтинга, они мгновенно внесут односторонние изменения в свои лицензионные соглашения, либо, как и сейчас, будут безальтернативно навязывать новым пользователям подобные условия, завуалированные среди текстов договоров. Во-вторых, спрос рождает предложение, и компании-правообладатели, ориентирующиеся на применение таких баз

в будущем, уже сейчас стремятся получать контроль над как можно большими объемами персональных данных. В некоторых юрисдикциях (например, в США) раздаются призывы ввести абсолютное право на информацию, российские банки повсеместно вставляют в договоры с физическими лицами условия о возможных уступках требований – со всеми возможными последующими утечками данных. Таким образом, система, ориентированная на оценку контрагентов по неограниченному массиву данных, сама подталкивается себя к злоупотреблениям: ситуациям, когда исходя из личной информации пользователям будут отказывать в заключении договоров, навязывать услуги и, к сожалению, многое, многое другое [12].

Если в России появятся явные тенденции к возникновению системы социального рейтинга, и оценка граждан будет производиться такими же методами, что и в Китае (данные будут собираться на местах, отправляться главному компьютеру, который и будет их анализировать, а затем отправлять в общий доступ), возникнет поле нарушений прав потребителей в гораздо больших масштабах, нежели сегодня. Чтобы предотвратить это, нужно активно разрабатывать практику ограничения навязанных пользователям условий через потребительское право и больше разрабатывать механизмы баланса интересов в гражданском праве в целом.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что затягивать с решением обозначенных проблем нельзя. Нарушения прав потребителей в Интернете уже носят массовый характер. Возможным «локальным» вариантом решения в условиях пассивности законодателя и неопределенности относительной правовой природы прав в отношении создаваемых цифровыми технологиями явлений могло бы стать признание обязательственной, основанной на потребительском праве составляющей данных отношений. Это позволило бы опосредовать оборот новых объектов гражданских прав и могло бы быть сделано быстро, при таком решении не нужно принимать новых федеральных законов, достаточно было бы единственного мотивированного акта Верховного Суда Российской Федерации.

Библиографический список

1. Козырин А. А. Инструменты защиты прав пользователей «виртуальных объектов». Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сборник материалов VI Международного юридического форума (IP Форума). – М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2018. – 388 с.
2. Калистратов А. А. Вирт. объекты гражданских прав / усмирение правообладателя // Kalistratov Law Blog. с 12:35 до 15:00. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qEjvXmmPr3g> (дата обращения: 21.09.2019 г.).
3. Федотов А. Г. Игры и пари в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2011. № 2. URL: <http://center-bereg.ru/b5643.html> (дата обращения: 20.09.2019 г.).
4. Карапетов А. Г. Судебный контроль справедливости договорных условий в целях защиты слабой стороны: комментарий к новой редакции ст. 428 ГК. // Блог в журнале «Закон.ру» URL: https://zakon.ru/blog/2015/10/18/sudebnyj_kontrol_spravedlivosti_dogovornyx_uslovij_v_celyax_zashhity_slaboj_storony_kommentarij_k_no (дата обращения: 20.09.2019 г.).
5. Карташов М. Наследование личной страницы в социальной сети после смерти пользователя в судебной практике Германии. Часть 2. // Блог в журнале «Закон.ру». URL: https://zakon.ru/blog/2018/9/28/nasledovanie_lichnoj_stranicy_v_socialnoj_seti_posle_smerti_polzovatelya_v_sudebnoj_praktike_german (дата обращения: 20.09.2019 г.).
6. Баранова Н. UX и UI: Основные понятия дизайна цифрового продукта // Журнал «Теплица социальных технологий». 2017. URL: <https://te-st.ru/2017/07/05/terms-of-ux-ui/> (дата обращения: 21.09.2019 г.).
7. Геймеры победили. Почти. Создатели Star Wars Battlefront II отказались от микротранзакций в самой ожидаемой игре 2017 года. Систему «плати, чтобы победить» возненавидели все на свете. // Журнал

-
- «Медуза». URL: <https://meduza.io/feature/2017/11/18/geymery-pobedilirochti> (дата обращения: 22.09.2019 г.).
8. Официальный сайт авиакомпании «Аэрофлот». URL: <https://www.aeroflot.ru/ru-ru> (дата обращения: 22.09.2019 г.).
9. Официальный сайт авиакомпании «Победа». URL: <https://www.pobeda.aero/> (дата обращения: 22.09.2019 г.).
10. China to bar people with bad ‘social credit’ from planes, trains. // Journal «World news». URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-credit/china-to-bar-people-with-bad-social-credit-from-planes-trains-idUSKCN1GS10S> (дата обращения: 20.09.2019 г.).
11. Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга. // Информационное агентство РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7> (дата обращения: 20.09.2019 г.).
12. Козырин А. А. Право собственности на информацию, или «Всякое определение в гражданском праве опасно». // Журнал «Закон.ру». URL: https://zakon.ru/blog/2019/4/1/pravo_sobstvennosti_na_informaciyu_ili_vsyakoe_opredelenie_v_grazhdanskom_prave_opasno (дата обращения: 21.09.2019 г.).

УДК 343

Котова Виолетта Евгеньевна (violekotova@yandex.ru)

Студентка Института прокуратуры
Уральского государственного юридического университета

Violetta Y. Kotova

Ural State Law University

Institute of the Prosecutor's Office, Student

Научный руководитель:

Терских Анна Ильинична

Доцент кафедры уголовного права

Уральского государственного юридического университета

Кандидат юридических наук

Academic supervisor:

Anna I. Terskikh

Assistant professor of Criminal Law department

Ural State Law University

Candidate of Juridical Sciences

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННУЮ
ОРГАНИЗАЦИЮ И ПРОВЕДЕНИЕ АЗАРТНЫХ ИГР
ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ
ПРОБЕЛЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ
CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THE ORGANIZATION AND
CONDUCTION OF ILLEGAL ONLINE GAMBLING: LEGISLATIVE
GAPS AND LAW ENFORCEMENT ISSUES**

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению и анализу причин открытого функционирования азартных игр в сети «Интернет» при прямом

законодательном запрете организации и проведения таких игр посредством сети «Интернет». Для решения проблемы пробелов нормы, устанавливающей уголовную ответственность за организацию и проведение азартных игр в сети «Интернет», автор предлагает разработать и принять новое постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: азартные игры, пробелы диспозиции нормы, Интернет-казино, состав преступления, сеть «Интернет».

Abstract: The article considers and analyses the reasons for the unhidden functioning of online gambling despite the direct legislative ban on the organization and conduction of it. The author proposes the development and adoption of a new resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation to solve the issue of the gaps in the legislation prohibiting organization and conduct of online gambling.

Key words: gambling, legislative gaps, online casino, corpus delicti, the Internet.

Объективная сторона состава статьи 171.2 УК РФ,¹ введенной в Уголовный кодекс Федеральным законом от 20 июля 2011 г. № 250-ФЗ, содержит в себе два альтернативных деяния (организация или проведение), а также способ как обязательный признак, определенный законодателем альтернативно: использование игрового оборудования вне игорных зон; посредством сети «Интернет»; осуществление данной деятельности без полученного в установленном порядке разрешения в игорных зонах; либо без полученной в установленном порядке лицензии в букмекерских конторах и тотализаторах вне игорной зоны.

Казалось бы, объективная сторона состава однозначно определена и никаких пробелов, способствующих незаконной организации и проведению азартных игр, не существует. Однако в сети «Интернет» встречается реклама различных Интернет-казино, призывающих пользователей

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

зарегистрироваться на сайте азартных игр. Нельзя не отметить агрессивную рекламу сайта «Azino777». В связи с этим возникает вопрос: возможно ли существование данных сайтов при прямом запрете проведения и организации азартных игр посредством использования сети «Интернет»?

Данные сайты нередко маскируют свою деятельность под лотерею, которая не является азартной игрой, исходя из положений ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр» от 29.12.2006 № 244-ФЗ (далее – ФЗ № 244).² Данный закон определяет азартную игру как основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры. Между лотереей и азартной игрой есть существенные различия: выигрыш в лотерее формируется за счет призового фонда до ее проведения, а в азартной игре выигрыш формируется за счет денежных средств ее участников в самом процессе игры. Лотерея проводится на основании лотерейных билетов, иных квитанций; азартная игра – путем внесения на депозит денежных средств. После изучения сайта «Azino777» выявлено, что посетителю предлагается зарегистрироваться, открыть свой счет и начать играть в любую из предлагаемых азартных игр. Руководство сайта не скрывает, что здесь осуществляется проведение азартных игр, а не лотерейная деятельность. Однако организатором игр является иностранная компания Victory 777 N. V., зарегистрированная на Кюрасао и осуществляющая свою деятельность на основании лицензии Кюрасао в составе Королевства Нидерландов, где проведение и организация азартных игр в сети «Интернет» разрешены внутренним законодательством.

Основатель компании LuckyLabs, разрабатывающей программное обеспечение для игр, в том числе и для организаторов азартных игр, Рустам

2 О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр: Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 51. Ст. 4831.

Гильфанов, по поводу открытого функционирования сайта Azino777 заявляет, что «заблокировать что-либо в сети «Интернет» попросту невозможно. Ведь если у компании есть желание предоставлять свои услуги пользователям с использованием сети «Интернет», способы для этого, хоть технические, хоть юридические, всегда найдутся» [1].

Таким образом, наличие возможности проведения азартных игр на территории РФ посредством сети «Интернет» при законодательном запрете напрямую говорит о наличии законодательных пробелов при конструировании состава преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ.

Исходя из смысла статьи 171.2 УК РФ и п. 5 ст. 4 ФЗ № 244, субъектом настоящего преступления может быть только руководитель юридического лица [4]. А объективная сторона раскрывается следующим образом: организация и проведение, согласно п. 6 ст. 4 ФЗ № 244, – это деятельность по оказанию услуг по заключению с участниками азартных игр основанных на риске соглашений о выигрыше и (или) по организации заключения таких соглашений между двумя или несколькими участниками азартной игры. Но что в действительности из себя представляет организация азартных игр с точки зрения русского языка? Это не только заключение соглашений о выигрыше с участниками игры, но и совершение всех действий, опосредующих заключение таких соглашений, предшествующих игре (если рассматривать способ «посредством сети «Интернет»): создание сайта, поддержание функционирования данного сайта, с помощью которого осуществляется азартная игра, на котором принимаются ставки; распространение информации в сети «Интернет» о сайте азартных игр путем рекламы (здесь можно подумать о привлечении к ответственности тех, кто не только путем навыков программирования размещает эту рекламу по всему интернету, но и о тех, кто, зная о запрещении на законодательном уровне азартных игр через «Интернет», участвует напрямую в рекламировании азартных игр путем, например, написания и исполнения музыкальных произведений, направленных на

привлечение новых клиентов); это прием и контроль платежей, поступающих на электронные кошельки или расчетный счет (в частности, на многих сайтах из всех возможных вариантов осуществления платежа есть не только международные электронные платежные системы, с помощью которых денежные средства поступают сразу на расчетный счет той же иностранной компании, но на различных сайтах также указаны и российские расчетные счета) [5].

Анализ формулировки «организация азартных игр посредством сети «Интернет» дает основание для ее широкого толкования. В связи с этим, возможно, стоит законодательно определить и конкретизировать данную формулировку? Чтобы действия, охватываемые ею, составляли объективную сторону состава преступления, а другие, более косвенно касающиеся организации, – перечислить и отнести в качестве пособничества к организации азартных игр посредством сети «Интернет» [6, с. 82]. Так, например, предлагаем в качестве уголовно наказуемой организации азартных игр посредством сети «Интернет» рассмотреть и закрепить в ПП ВС РФ такое действие как распространение материалов, представляющих возможность осуществлять деятельность, направленную на проведение азартных игр путем создания Интернет-ресурсов в телекоммуникационных сетях, а также путем распространения приложений и Интернет-ресурсов с использованием сети «Интернет» [7, с. 114]. В ходе изучения деятельности владельцев сайтов Интернет-казино выявлено, что организация таких азартных игр не может быть осуществлена без покупки игрового программного обеспечения – гэмблинг-программного обеспечения (ПО) у провайдеров (которые могут быть и российские организации); без размещения рекламных роликов путем сотрудничества владельца сайта азартных игр с компаниями, осуществляющими рекламную деятельность и создающими партнерские программы по подбору рекламодателей; без трансляции рекламы азартных Интернет-игр администраторами сайтов, заключивших договор об оказании

услуг с владельцем сайта азартных Интернет-игр. Следовательно, ВС РФ следовало бы рассмотреть все данные действия и обозначить их в качестве организации азартных игр в своем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ о практике применения ст. 171.2 УК РФ. Такие действия как, например, создание музыкального произведения (песни), его исполнение Верховному Суду определить как пособничество в организации азартных игр посредством сети «Интернет», и в роли такого пособника будет выступать автор произведения, исполнитель, осознающий, что своими действиями он содействует организации азартных игр путем непосредственного предоставления средств совершения преступления, так как согласно ч. 1 ст. 34 УК РФ ответственность соучастников определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления, их значимостью при совершении противоправного деяния.

Предложенная ранее конкретизация необходима составу ст. 171.2 УК РФ ввиду того, что без толкования деяний состава правоприменитель может определить организацию только как заключение соглашений о выигрыше, где субъектом является руководитель юридического лица, который, осуществляя предпринимательскую деятельность по азартным играм в сфере сети «Интернет», зная о запрете на территории РФ организации азартных игр посредством сети «Интернет», регистрирует юридическое лицо за границей, и в таком случае некого привлекать к уголовной ответственности. Сайты благополучно функционируют на территории РФ, граждане РФ участвуют в играх, а привлечь к уголовной ответственности некого. Вследствие этого компании, не способные пойти на такие хитрости, регистрирующие себя на территории РФ, не только не получают на этом бизнесе прибыль, но и привлекаются к уголовной ответственности, а те, кто помогает иностранным организаторам азартных игр в сети «Интернет», по сути, осуществляя 90% деятельности по организации и создавая обширную сферу для запрещенных в РФ азартных игр правоприменителю неподвластны.

Кто в данном случае будет подлежать ответственности? На наш взгляд, это руководитель российского юридического лица, которое является посредником между иностранным организатором игры и игроком. Это посредничество осуществляется путем заключения агентского договора по ст. 1005 ГК РФ, предоставляющего агенту осуществлять не только юридические действия от имени принципала (в нашем случае – владельца сайта азартных игр) или от своего имени, но и иные действия, связанные с организацией и проведением азартной игры; договора поручения, либо договора возмездного оказания услуг. Либо субъектом преступления может быть физическое лицо, непосредственно осуществляющее организацию азартных игр посредством создания русскоязычного сайта, приема ставок участников игры, привлечения лиц, осуществляющих рекламу сайта и т. д.

Еще один вопрос, который возникает при анализе состава: каково место совершения преступления? Ответ на данный вопрос касается проблемы определения деяний, которые ФЗ № 244 четко не регламентированы, а также отсутствия Постановления Пленума Верховного Суда о практике применения ст. 171.2 УК РФ. Некоторые ученые считают, что деяние, согласно диспозиции статьи, осуществимо только там, где зарегистрирована компания, осуществляющая игорный бизнес [2, с. 54]. Если сайт Интернет-казино принадлежит какой-нибудь мальтийской или голландской компании, то соответственно организует и проводит игры руководитель юридического лица. Другие склоняются к тому, что для определения места проведения деяния нужно вникнуть в сущность соглашения между будущим игроком и организатором [3, с. 16]. Там, где игрок вносит на депозит денежные средства, там, где принимаются ставки и непосредственно транслируется игра, это и есть территория совершения деяния – проведения азартной игры.

Интерес также вызывает новое изменение в ст. 171.2 УК РФ, вступившее в силу 29 июля 2018 г., дополнившее объективную сторону деяния

признаком «систематического предоставления помещений для незаконных организации и (или) проведения азартных игр». Однако если рассматривать организацию азартных игр через призму вышеперечисленных действий, опосредующих заключение основанных на риске соглашений о выигрыше участников игры с организатором, включение нового деяния в состав не решает полностью всей проблемы, учитывая, что российские компании, являющиеся посредником иностранных предпринимателей и создающие все условия для трансляции азартных Интернет-игр на территории РФ, так и не подлежат уголовной ответственности. Кроме того, определение законодателем понятия «систематически» как более двух раз будет порождать трудности в привлечении «арендодателей», поскольку преимущественно такое предоставление осуществляется посредством договора аренды. Выходит, что лицо, предоставившее помещение один раз, но по договору долгосрочной аренды на срок год и более, не будет привлекаться, хотя его вклад в развитие деятельности по проведению азартных игр в РФ будет возможно большим, чем у лица, предоставившего помещения по договорам 2 лицам на срок менее года.

Судебная практика в этой сфере еще не сформировалась, поскольку правоприменителю, во-первых, тяжело определить, что законодатель подразумевал под организацией и проведением азартных игр и каковы субъекты преступления; во-вторых, в силу трансграничности и высокого уровня анонимности в сети «Интернет» легко упустить из виду некоторые сайты азартных игр либо же определить лицо, которое организует их проведение. В ходе изучения приговоров по уголовным делам по ст. 171.2 УК РФ было выявлено, что уголовные дела за организацию и проведение азартных игр посредством сети «Интернет» возбуждаются только при наличии других запрещенных способов – размещения игорного оборудования вне игорных зон или осуществления игорной деятельности без полученного в установленном законом порядке разрешения. Сеть «Интернет» здесь выступает

в качестве «дополнения» к игровому оборудованию³. За содержание же сайтов, предназначенных для азартных игр, к уголовной ответственности привлекают очень редко, ведь чаще всего их владельцы – иностранные компании, а позиция судов по поводу субъекта преступления и сущности деяния сходится с первой вышеуказанной позицией ученых.

Таким образом, после детального изучения состава статьи 171.2 УК РФ, ФЗ № 244, позиций ученых-теоретиков, судебной практики, сайта Интернет-казино Azino777, а также после исследования сущности деятельности по организации и проведению азартных игр в сети «Интернет» были выявлены следующие пробелы диспозиции нормы статьи 171.2 УК РФ и проблемы привлечения лиц, совершивших преступление, предусмотренное данной статьей, к уголовной ответственности:

- отсутствие конкретизации в определении деяний объективной стороны состава;
- отсутствие на законодательном уровне регламентации того, кто является субъектом преступления;
- невозможность определения правоприменителем места совершения преступления в связи с вышеуказанными пробелами.

Для устранения пробела в диспозиции ст. 171.2 УК РФ предлагаются следующие пути решения:

- 1) внести изменения в ФЗ № 244 от 29.12.2006, раскрыв детально определение понятий «организация азартных игр» и «проведение»;
- 2) ВС РФ принять постановление о судебной практике применения ст. 171.2 УК РФ в целях обеспечения правильного и единообразного применения судами уголовного законодательства, в котором определить в точности,

³ Приговор Ленинского районного суда г. Томска от 20.02.2015 г. по делу № 1-579/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/J0GiPPVp64Jk/> (дата обращения 11.11.18 г.); Приговор Чебаркульского городского суда Челябинской области от 18.08.2017 г. по делу № 1-223/2017 // Сайт судебных решений РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-chebarkulskij-gorodskoj-sud-chelyabinskaya-oblast-s/act-558843640/> (дата обращения 11.11.2018 г.)

что представляет из себя такое деяние как организация азартных игр и какие действия могут входить в организацию азартных игр;

3) указать, какие действия будут являться пособничеством к совершению преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ;

4) определить место совершения преступления;

5) определить в качестве субъектов преступления не только руководителя юридического лица, владельца сайта азартных игр, но и выступающего поверенным или агентом по соответствующим договорам с иностранной компанией и осуществляющего в той же степени организацию азартных игр. Исходя из вышеизложенного, данные изменения будут способствовать нераспространению азартных игр в сети «Интернет» даже иностранных компаний, поскольку внутренним законодательством РФ такая игорная деятельность запрещена и нарушает основы правопорядка, нравственности, нормальной жизнедеятельности населения и его благосостояния.

Библиографический список

1. Офшоры, деньги, три топора: кто стоит за нелегальным казино Azino777 // РБК Журнал. 2018. № 07-08 (142). URL: <https://www.rbc.ru/magazine/2018/07/5b3f96df9a79475e9f9f5045> (дата обращения 17.11.2018 г.).
2. Спектор Е. И. О правомерности осуществления агентом в интересах и от имени принципала (лицензиата) услуги по приему платежей и осуществления им выплат клиентам без получения лицензии на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах // Законодательство и экономика. 2012. № 5. С. 51–57.
3. Изюмова Е. С. Проблемы организации азартных игр в сети «Интернет» // Вопр. права в соврем. мире: мат. Междунар. заочной науч.-практ. конф. (7 мая 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 12–19.

4. Козаченко И. Я., Новоселов Г. П. Уголовное право. Особенная часть в 2 т. Т. 1: учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. серия: бакалавр и специалист. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 351 с.
5. Рарог А. И. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации. 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 910 с. // URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=471836> (дата обращения: 20.09.2019 г.).
6. Панов А. Б. Проблемы становления законодательства об организации и проведении азартных игр // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 1. С. 80–83.
7. Усынин В. В. Уголовная ответственность за распространение в сети «Интернет» информации об азартных играх // Евразийская адвокатура. 2017. № 1 (26). С. 113–115.

УДК 342.33

Лазарев Александр Евгеньевич (lazarevpublication@gmail.com)

Студент Института государственного и международного права

Уральского государственного юридического университета

Alexander Y. Lazarev

Ural State Law University

Institute of State and International Law, Student

Научный руководитель:

Гончаров Максим Владимирович

Доцент кафедры конституционного права

Уральского государственного юридического университета

Кандидат юридических наук

Academic supervisor:

Maxim V. Goncharov

Assistant professor of Constitutional Law department

Ural State Law University

Candidate of Juridical Sciences

**К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ
РЕСПУБЛИК В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.
ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФЕДЕРАТИВНОГО ДОГОВОРА
ОТ 31.03.1992 Г.**

**THE ISSUE OF CONSTITUTIONAL LAW STATUS OF REPUBLICS
WITHIN THE RUSSIAN FEDERATION. THE LEGAL EFFECT
OF 03.31.1992 FEDERAL TREATY**

Аннотация: В качестве предмета исследования выступает конституционно-правовой статус республик в составе РФ до и после вступления в силу Конституции Российской Федерации. В работе рассматриваются

юридические аспекты возможности применения Федеративного договора от 31.03.1992 г. в современных конституционно-правовых отношениях. Выявлена и обоснована невозможность применения Федеративного договора, а также определения республик как суверенных государств с расширенными правами.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, федеративное устройство, республика, федеративный договор, разграничение полномочий.

Abstract: The subject of the research is the constitutional legal status of the republics within the Russian Federation before and after the entry into force of the Constitution of the Russian Federation. The paper considers the legal aspects of the possibility of applying the Federal Treaty of March 31, 1992 in modern constitutional and legal relations. The impossibility of applying the Federal Treaty, as well as the definition of republics as sovereign states with a corresponding extension of the rights of the latter, has been revealed and justified.

Key words: Constitution of the Russian Federation, federal structure, republic, federal agreement, delineation of powers.

Современное федеративное устройство Российской Федерации сложилось в процессе длительного исторического пути становления демократического государства. Одной из центральных исторических особенностей российского федерализма стала смешанная система образования субъектов, в основу которой были положены как территориальный, так и национальный принцип создания. Несмотря на относительную давность формирования современного конституционного режима, особенно важным остается вопрос о конституционно-правовом статусе республик, их национально-обособленном статусе.

В рамках данной работы автор рассматривает период становления современного российского федерализма в 1991–1993 годы. Основным объектом исследования является конституционно-правовой статус субъектов

федерации, образованных по национальному принципу. Особое внимание уделяется юридическому статусу Федеративного договора от 31 марта 1992 года¹, ставшему, по мнению автора, ключевым фактором возникновения политико-юридических противоречий в отношениях РФ и входящих в ее состав республик.

В соответствии со статьей 68 Конституции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее по тексту – РСФСР) от 12 апреля 1978 года² РСФСР признавалась суверенным советским социалистическим государством, объединившимся с другими социалистическими республиками в СССР, выступавшим в качестве единого союзного многонационального государства. Также в Конституции, а именно в статье 78, прямо закреплялся статус автономных республик как советских социалистических государств, находящихся в составе федерации. Таким образом, действовала юридическая модель государства в государстве, противоречащая научным представлениям о государстве как о суверенном образовании.

Суверенитет как свойство государства представляет собой полную независимость властных образований во внутренней и внешней политике. Данное свойство общественного устройства остается характеристикой максимально возможного уровня организации социального управления, при котором высшие органы власти остаются не подотчетными иным общественным образованиям. На практике суверенитет остается одной из основных характеристик государства, отражающих независимость его собственных политико-юридических процессов.

В период с августа по октябрь 1990 года автономные республики последовательно провозглашают себя суверенными государствами и меняют название на Советская Социалистическая Республика, не упраздняя членство в составе РСФСР, но декларируя особый статус [4].

1 Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации: фед. договор от 31.03.1992 г. // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/170280/#text> (дата обращения: 18.08.2019 г.).

2 Конституция РСФСР: Конституция РСФСР от 12.04.1978 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

24 мая 1991 года в российскую Конституцию вносятся поправки, изменяющие наименования автономных советских социалистических республик (далее по тексту – АССР) на «республики в составе РСФСР». В июле 1991 г. были удовлетворены требования четырех из пяти автономных областей, а именно Адыгейской, Горно-Алтайской, Карачаево-Черкесской и Хакасской, о наделении их статусом республик.

В свете назревающего кризиса между федеральным центром и регионами действующей властью было принято решение урегулировать федеративные отношения отдельным соглашением. Так, на Первом Съезде народных депутатов РСФСР Ельцин Б. Н. выдвигает предложение заключить Федеративный договор. Как отмечает Иванов В. В., правовая потребность в договоре между РСФСР и АССР следовала из Закона СССР от 26 апреля 1990 года³, которым АССР были объявлены субъектами Союза, строящими отношения с «включающими» их союзными Советскими социалистическими республиками на основе договоров. Республики возражали против общего договора со всеми субъектами федерации. И сообразно разделению территориальных образований на национально-государственные, национально-территориальные и административно-территориальные была разработана система из трех договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти:

- 1) суверенных республик в составе Российской Федерации;
- 2) краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга;
- 3) автономной области, автономных округов, которая продолжала именоваться «Федеративный договор» [1, с. 143–147].

31 марта 1992 года был подписан Федеративный договор, состоявший из следующих соглашений: Договор о разграничении предметов ведения

³ О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации: Закон СССР от 26.04.1990 г. №1457-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 19. Ст. 329.

и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации от 31 марта 1992 года; Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации от 31 марта 1992 года; Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации от 31 марта 1992 года, а также протоколы к ним. В рамках исследуемой темы необходимо обратить внимание на конкретный договор о разграничении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти республик.

В договоре о разграничении полномочий были отражены качественно новые по сравнению с действовавшей на том момент Конституцией РСФСР от 12 апреля 1978 года в редакции от 1 ноября 1991 года⁴ положения. Так, в преамбуле декларируется государственный суверенитет республик. В ст. 3 договора указывается, что республики обладают всей полнотой государственной власти, самостоятельно участвуют в международных и внешнеэкономических отношениях, а земля, ее недра, вода, растительный и животный мир являются достоянием народов, проживающих в соответствующей республике. Также часть 4 статьи 3 договора устанавливает необходимость получения согласия органов государственной власти республики в случае, если чрезвычайное положение вводится федеральными органами государственной власти на территории этой республики.

С подписанием Федеративного договора республики получили статус суверенных республик. Закрепление статуса «суверенные» за республиками было истолковано некоторыми из них как неограниченно суверенные.

Данное обстоятельство послужило причиной того, что многие республики

4 Конституция РСФСР: Конституция РСФСР от 12.04.1978 г. (в редакции 01 ноября 1991 г.) // Сайт Конституции Рос. Федерации. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr/rsfsr/1978/red_1978/5478721/ (дата обращения: 18.08.2019 г.).

не отказывали себе, вне зависимости от положений Конституции РФ, в изложении в основных законах собственного понимания суверенитета [5, с. 70].

В диссертации «Российский Федерализм: зарождение, становление, развитие» Гаранжа А. П. отмечает, что модель федерализма 1992 года отличалась абсолютной асимметрией. Так, автор считает, что неравенство статуса республик и статуса других субъектов Федерации было крайне велико. Российские республики имели статус, который превосходил статус субъекта в любой федерации мира и нес в себе конфедеративный элемент. Конституцию республики, не нужно было ни утверждать, ни регистрировать на федеральном уровне. Другие субъекты России не обладали учредительной властью в полном объеме, так как принимаемые ими в качестве учредительных актов уставы подлежали регистрации Президиумом Верховного Совета РСФСР. Также автор отмечает, что резкий разворот от закрепления сначала в Федеративном договоре, а затем в Конституции России (апрель 1992 года) суверенитета республик к закреплению в Конституции 1993 года суверенитета только Российской Федераций, требовал конкретного положения в ч. 1 ст. 5 Конституции России о том, что субъекты Российской Федерации не обладают суверенитетом. Очевидное стремление авторов Конституции уйти от такой конкретизации в ее тексте и непринципиальная позиция Федерации по соблюдению ее субъектами конституционных положений о государственном суверенитете РФ, верховенстве Конституции и федеральных законов на всей территории России, привели к тому, что после вступления в силу Конституции России 1993 года множество республик в новых конституциях определяли себя суверенными государствами, закрепляли положения о верховенстве республиканских конституций по отношению к Конституции Российской Федерации, устанавливали приоритет республиканского законодательства над федеральным [3, с. 17].

В Конституции РСФСР от 12.04.1978 г. в редакции от 21.04.1992 г.⁵ были изменены положения Главы 8, а именно республика декларировалась

5 Конституция Российской Федерации – России: Конституция РСФСР от 12.04.1978 г. (в редакции 21.04.1992 г.) // Сайт «Конституция Рос. Федерации». URL: [https:// constitution.garant.ru/history/ussrfsr/1978/red_1978/5478721/](https://constitution.garant.ru/history/ussrfsr/1978/red_1978/5478721/) (дата обращения: 18.08.2019 г.).

как государство, обладающее на своей территории всей полнотой государственной власти, кроме тех полномочий, которые отнесены к ведению Российской Федерации. Данные положения были сохранены без изменений в последующих редакциях от 9.12.1992 года и от 10.12.1992 года.

12 декабря 1993 года принимается Конституция Российской Федерации⁶, устанавливающая собственное регулирование вопросов федеративного устройства в государстве. Так, вопросы разграничения предметов ведения унифицируются для всех субъектов в независимости от их наименования. За ними, в свою очередь, остаются исторические наименования, а республикам предоставляются декларативные преференции в виде особого наименования высшего нормативно-правового акта, главы региона, а также предоставляется возможность вводить на территории собственный государственный язык, применяемый наряду с государственным языком Российской Федерации. В соответствии со статьями 72–73 вопросы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, а также вопросы исключительного ведения субъектов в равной мере распространяются на всех субъектов. Помимо прочего, статьей 66 не говорится о порядке принятия конституций республик, в то время как для остальных субъектов принятие устава предусмотрено «законодательным (представительным) органом соответствующего субъекта РФ». Важно, что ст. 5 Конституции РФ к республикам применяет термин «государство». Данное декларативное понятие не находит отражения в последующих положениях документа.

Особенное внимание необходимо уделить заключительным и переходным положениям Раздела второго Конституции РФ. Так, статья 1 прекращает действие Конституции РСФСР от 12 апреля 1978 года с последующими изменениями и дополнениями, что с учетом статьи 2 не дает возможности применять ее положения вне зависимости от противоречия последних действующей Конституции. Таким образом, положения о государственном

6 Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами о поправках к Конституции от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ): Конституция Рос. Федерации от 12 декабря 1993 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31.

суверенитете автономных республик также не подлежат применению. Однако указанными выше положениями допускается применение Федеративного договора в части, не противоречащей Конституции РФ, что порождает правовую неопределенность в вопросе определения статуса республик, имевших по договору государственный суверенитет.

Позже в учебнике «Конституционное право России» доктор юридических наук, профессор Кутафин О. Е. описывал республику в составе Российской Федерации как демократическое правовое государство, созданное в рамках Российской Федерации. Данным определением он выразил мнение о том, что республика является носителем государственного суверенитета, но при этом создается в рамках Российской Федерации, также наделенной государственным суверенитетом. Так, Кутафин О. Е. заявлял о том, что конституционно-правовой статус республики в составе Российской Федерации характеризуется тем, что республика является государством в составе федерации, обладающим всей полнотой государственной (законодательной, исполнительной, судебной) власти на территории, кроме тех полномочий, которые в соответствии с Конституцией РФ находятся в ведении федеральных органов государственной власти. Государственная власть республики, по мнению Кутафина О. Е., исходит от ее народа, реализовавшего право на самоопределение в форме государства в составе Российской Федерации [2, с. 297–298].

Данная позиция подтверждается положениями ч. 3 ст. 11 Конституции, декларирующими статус Федеративного договора как акта, регулирующего разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов наряду с Конституцией и иными договорами, регулирующими данные отношения. Необходимо отметить, что в соответствии с данной статьей, а также с положениями Раздела второго, договор выступает в качестве акта второстепенного по отношению к Конституции и принятым на основании нее договорам. Помимо

прочего, Конституция РФ не предусматривает применения Федеративного договора в иных областях конституционно-правового регулирования.

Анализируя нормативные акты РФ, приходим к выводу, что позиция, в соответствии с которой республики являются суверенными государствами, а Федеративный договор является источником конституционного права, не соответствует основам конституционного строя, заложенным в Конституции РФ от 12 декабря 1993 года. Так, в соответствии с положениями статей 3, 4, 5, 6, 15, 74, 75, 76, 79 Конституции только за Российской Федерацией признается власть в лице ее многонационального народа, высшая, по отношению к субъектам, юридическая сила законодательства, единство института гражданства, суверенитет государственной территории, возможность принимать единую валюту. Таким образом, положения Федеративного договора противоречат следующим основам конституционного строя: народовластие, полнота суверенитета РФ, верховенство права, равноправие субъектов федерации, единство и равенство гражданства в независимости от оснований его приобретения.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 7.06.2000 года № 10-П⁷ указано, что признание Конституцией РФ суверенитета только за Российской Федерацией воплощено в конституционных принципах государственной целостности и единства системы государственной власти, верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов, которые имеют прямое действие и применяются на всей территории Российской Федерации, включающей в себя территории ее субъектов. Отсутствие у субъектов Российской Федерации, в том числе у республик, суверенитета подтверждается и положениями статей 15 (часть 4) и 79 Конституции Российской Федерации, из которых следует, что только Российская Федерация вправе заключать международные договоры, приоритет которых признается в ее правовой системе и только Российская Федерация как суверенное государство может

⁷ Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 07.06.2000 г. № 10-П // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2000. № 5.

передавать межгосударственным объединениям полномочия в соответствии с международным договором.

В Определении КС Российской Федерации от 06 декабря 2001 года № 249-О⁸ подтверждается, что Конституция РФ не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, и не предполагает отличного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации. По мнению Суда, суверенитет РФ исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью, т. е. не допускает суверенитета ни республик, ни иных субъектов РФ. Кроме того, территориальные границы республики, как и всех других субъектов Российской Федерации, являются не государственными, а административными.

Таким образом, Конституционный Суд прямо указывает на невозможность признания суверенной государственности таких субъектов Российской Федерации как республики, равно как и всех остальных субъектов. Необходимо отметить, что в данном определении не содержится особых мнений судей, что отражает солидарность состава Конституционного Суда с решением по данному вопросу.

В Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 года были закреплены нормы, сохраняющие сочетание национально-территориального и территориального принципов организации федеративного устройства, установленного еще в Конституции РСФСР от 12 апреля 1978 года. Несмотря на это, в отличие от последней, Конституция РФ провозглашает равный статус субъектов Федерации, позволяя республикам, среди прочего, иметь собственные символические отличия, такие как наименования высшего нормативного акта «конституцией республики», центра субъекта «столицей», а также устанавливать государственный язык. Однако ввиду того,

8 Определение Конституционного Суда РФ от 06.12.2001 г. № 249-О // Собрание законодательства РФ. 2002. № 4. Ст. 374.

что данные отличия не наделяют республики суверенитетом, не дают преференциального положения в политических, экономических, социальных и иных отношениях с Федерацией и ее субъектами, а также не позволяют иметь большего количества предметов ведения, чем в установленных ст. 71–73 Конституции РФ пределах, справедливо утверждать, что данные субъекты не имеют особого правового статуса в рамках федеративного устройства государства.

Таким образом, Конституция РСФСР от 12 апреля 1978 года декларировала государственный статус автономных республик, формируя тем самым юридическую систему трех уровней государств СССР – РСФСР – Автономные Социалистические Республики. С подписанием федеральными и региональными властями Федеративного договора от 31 марта 1992 года, а именно «Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации», а также принятия 21 апреля 1992 года новой редакции Конституции РСФСР от 1978 года в стране сформировалась конфедеративная система, провозглашавшая республики самостоятельными государствами с широким кругом государственно-властных полномочий. С принятием Конституции РФ от 12 декабря 1993 года в России была установлена федерация, основанная на принципе единого государственного суверенитета с двумя уровнями организации государственной власти. Проблема, вызванная неопределенностью в определении границ государственного суверенитета по отношению к республикам, вытекающая из конституционного закрепления возможности применения Федеративного договора от 31 марта 1992 года, была полностью исчерпана вынесением Постановления Конституционного Суда от 7 июня 2000 года № 10-П и Определения Конституционного суда от 6 декабря 2001 года № 249-О, дающим официальное толкование Конституции в части пределов государственного суверенитета. Так, суд оценил Российскую Федерацию

как единственного носителя государственного суверенитета, а многонациональный народ России как единственного и неделимого источника власти, что, в свою очередь, сделало невозможным определение республик в качестве государств, носителей государственного суверенитета.

Считаем, что федеративная система Российской Федерации, построенная на территориальном и национальном принципах образования субъектов, нуждается в комплексном реформировании путем принятия нового акта высшей юридической силы. Так, наименования субъектов, а также иные декларативные особенности должны быть идентичными и отражать либо республиканскую форму управления с соответствующим наименованием «республика», либо административно-территориальную с соответствующим наименованием «область», «регион», «штат», «земля» или иным единым для всех субъектов названием.

Подводя итог, отметим, что с введением Конституции Российской Федерации окончательно был решен вопрос о конституционно-правовом статусе республик в ее составе. Действующие нормы конституционного права не позволяют данным субъектам иметь собственную независимую систему власти, гражданство жителей соответствующих территорий, возможность выхода из состава федерации в добровольном порядке, а также иных прав, предполагающих наличие государственного суверенитета. Федерация, построенная на Конституции как акте высшей юридической силы, регулирующей основы федеративного устройства государства, более не нуждается в договорах о собственном образовании и основах регулирования отношений между центральными и региональными властями.

Библиографический список

1. Иванов В. Нормативный конституционно-правовой договор: теория и практика. К критике современной теории государства. – М.: Территория будущего, 2008. – 352 с.

2. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2014. – 592 с.
3. Гаранжа А. П. Российский федерализм: зарождение, становление, развитие. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2009. – 26 с.
4. Парад суверенитетов // Википедия: свободная энциклопедия, 2019. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Парад_суверенитетов (дата обращения: 16.08.2019 г.)
5. Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма: учеб.-практ. пособие.: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Дело, 2000. – 304 с.

УДК 347.1

Меньшиков Данил Евгеньевич (danilmeshikov1313@gmail.com)

Студент Факультета права
Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

Danil Y. Menshikov
National Research University
Higher School of Economics
Faculty of Law, Student

Научный руководитель:

Кошечева Елена Сергеевна

Доцент кафедры гражданского права и процесса
Волго-Вятского института (филиала) ФГБОУВО

«Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Кандидат юридических наук

Academic supervisor:

Elena S. Koshcheeva

Assistant professor of Civil Law and Procedure department
Volga-Vyatka Branch of Kutafin Moscow State Law University

Candidate of Juridical Sciences

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА КАК ОБЪЕКТЫ

ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

PROPERTY RIGHTS AS OBJECTS OF CIVIL LAW RIGHTS

Аннотация: Статья посвящена исследованию правовой природы имущественных прав как объектов гражданских правоотношений. Проводится исследование характеристик объектов гражданских прав для более полного

анализа конкретного объекта и видов данного объекта в конкретных правоотношениях – вещных, обязательственных, исключительных. Рассматриваются такие вопросы как конструкция «право на право», деление правоотношений на вещные и обязательственные.

Ключевые слова: объекты гражданских прав, гражданское правоотношение, вещное право, обязательственное право, исключительное право, конструкция «право на право».

Abstract: The article is devoted to the study of the legal nature of property rights as objects of private law relations. The article examines properties of private law objects for a proper analysis of a particular object and the types of the object in specific legal relations, such as property, obligations, exclusive rights. Such issues as the construction of the “right to right”, the division of legal relations into property and obligations.

Key words: objects of private law, private law relationship, property law, law of obligations, exclusive rights, construction “right to law”.

Ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) относит к объектам гражданского права такой объект как имущественные права, легального определения которому законодателем не было предложено ни в указанной статье, ни в каких-либо иных нормах. В связи с этим многие ученые в области гражданского права анализировали данную проблему через призму разных подходов и, соответственно, приходили к различным теоретическим разработкам в данной области. Однако данных разработок все еще недостаточно для нормальной организации гражданского оборота. Вызвано это в том числе советским прошлым, в котором, как считается, оказалась парализованной экономическая деятельность, направленная на пользование имущественными правами как отдельными объектами.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

Вопрос о таком объекте гражданского права как имущественное право невозможно рассматривать без определения более общего понятия – объект гражданских прав, через характеристики которого можно увидеть и основные особенности рассматриваемого объекта.

Существует множество мнений и теорий о природе и сущности объектов гражданских прав. Такое разнообразие неудивительно. Определение понятия, представляющего собой некую «базу» гражданских правоотношений, без которой их сложно представить, разнится и зависит от существующего правопорядка и теоретической модели, в которой существует автор (да и само понимание права, по мысли М. М. Агаркова, зависит от условий хозяйствования и психологии той или иной эпохи [1, с. 39]). Некоторые авторы и вовсе отрицают, что объект права входит в структуру правоотношений, и выносят его «за скобки». Например, Р. О. Халфина признает значение объекта правоотношений исключительно для целей его возникновения и развития, но в саму структуру правоотношения, по ее мнению, объект входить не может [2, с. 145], а основным элементом правоотношений Халфина признает реальное поведение его участников. М. М. Агарков также отрицает объект гражданского права в качестве необходимого элемента правоотношения [3, с. 54].

Можно выделить специально-юридическую концепцию объекта, в рамках которой объект – это то, по поводу чего возникает правоотношение, и общефилософскую концепцию, в которой объект – это то, на что направлено правоотношение [4, с. 10]. Однако принципиальной разницы данные теории не имеют, в том числе по причине существования в рамках и общефилософской, и специально-юридической концепции плюралистических и монистических теорий. Например, О. С. Иоффе, который определял объект правоотношений как то, на что направлено содержание правоотношения, относится к представителям монистической теории. В то же время, Ю. К. Толстой, придерживаясь той же концепции, считается представителем плюралистической теории. Поэтому необходимо остановиться на рассмотрении именно двух указанных теорий объектов прав – монистической

и плюралистической, которые зачастую выделяются в большинстве учебных пособий (хотя существуют и иные теории, например, психологическая теория объекта Л. И. Петражицкого [4, с. 11]).

Монистический подход. В рамках данного направления объектом гражданского права представляется только какая-то одна категория, т. е. существует определенное единство объекта гражданского оборота. Безусловно, монистическая теория облегчает понимание объекта гражданских прав. На вопрос о том, что является этим объектом, ответы расходятся.

Одни авторы признают исключительно действия субъектов в качестве объекта данных правоотношений, другие же рассматривают в качестве объектов исключительно вещи [4, с. 11]. Стоит сразу же отвергнуть последнее понимание объекта гражданских прав: уровень экономических отношений, сложившийся в настоящее время, не позволяет вести речь о том, что единственная цель участников гражданского оборота – вещи. В рамках обязательственных правоотношений и тем более правоотношений в сфере результатов интеллектуальной деятельности, объектом, безусловно, может выступать не только вещь [5, с. 21]. Данная теория имеет право на существование, если авторы по аналогии с римским правом понятие «вещь» рассматривают не только как физические и осязаемые блага, но и включают в него «бестелесные» вещи [6, с. 128]. Однако авторы данной работы отрицательно относятся к такому варианту определения понятия «вещь» и признают, что подобный вариант мог существовать до реформы гражданского законодательства, когда в данное понятие, согласно ст. 128 ГК РФ, включались, например, бездокументарные ценные бумаги. Учитывая, что законодатель исправил данную ошибку, в настоящее время определять вещи не как физические осязаемые вещи некорректно.

Позицию понимания объекта как действий субъектов отстаивал О. С. Иоффе, утверждавший, что объект права должен быть подвержен воздействию в рамках правоотношений сторонами [3, с. 109]. В частности, он писал:

«Субъективные права и юридические обязанности направлены на обеспечение определенного поведения... только человеческое поведение способно к реагированию на воздействие, оказываемое субъективным правом и правовой обязанностью» [3, с. 115]. Соответственно, объектом может быть признано только поведение обязанных лиц.

Но помимо двух указанных выше направлений, существует и другое – теория объекта двух родов. В поздних работах, в ответ на критику его теории, О. С. Иоффе переосмысливает свою концепцию и начинает выделять два объекта – юридический (поведение обязанных лиц) и материальный (вещи), на который можно воздействовать только через действия его участников [7, с. 218]. Позднее данная позиция была доработана М. И. Брагинским и В. В. Витрянским, которые разделяли объект первого рода – действия и объект второго рода (товар, работу, услугу) [8, с. 224]. Такой подход признается указанными авторами хоть и не лишенным изъянов, но применимым в гражданском обороте. Однако он может быть взят «на вооружение» только при условии, если материальный объект включает в себя не только материальные блага, но и не материальные, что, как было отмечено ранее, не совсем корректно. Терминологически верной будет конструкция выделения непосредственного (ближайшего) и опосредованного объектов, которые соответствуют вышеизложенной теории [9, с. 319].

Плюралистический подход. Исходя из названия подхода, можно увидеть, что авторы данного направления признают объектом гражданского права несколько категорий. Исторически первым, кто выделил плюралистическую модель, был Г. Ф. Пухта, который рассматривал следующие объекты права: собственная личность, вещи, действия, сторонняя личность, личность, перешедшая в другую личность [10, с. 199–202].

Д. И. Мейер в лекциях говорил (можно отметить, что он первым в российской цивилистике употребил понятие «объект правоотношений» [11, с. 158]) о двух объектах гражданских прав – вещи (право собственности)

и действия (обязательственные правоотношения), в совокупности образующие имущество, которое и признается, по его мнению, объектом гражданского права. Встречаются и более радикальные теории, признающие в качестве объекта гражданских прав и самого человека [11, с. 206].

По сути, все плюралистические теории можно сгруппировать в две большие группы:

1) Признание в качестве объектов всевозможных благ, которые соответствуют видам гражданских прав (вещи, действия, нематериальные блага и т. д.).

2) Признание в качестве объектов либо вещи, либо действия.

Вторая группа похожа на одну из монистических теорий, где выделяются следующие объекты – юридический и материальный. Однако они имеют принципиальное отличие: в плюралистической теории каждой группе отношений соответствует определенный объект (вещь или действие). В монистической же теории в каждой группе отношений выделяется сначала юридический объект, а затем материальный.

Другой достаточно часто встречающийся в научных работах вопрос – о соотношении понятий «объект гражданских прав» и «объект гражданских правоотношений». Исходя из представленного выше обзора (а именно в связи с употреблением различных терминов) следует, что авторы данной работы исходят если не из равенства, то хотя бы из тесного сходства данных понятий. Как указывает Е. А. Суханов, гражданские права всегда корреспондируют гражданские обязанности, а именно совокупность гражданских прав и обязанностей и составляет гражданское правоотношение [12, с. 297]. Подобное рассуждения в своих работах приводит и О. С. Иоффе, который указывает, что действия обязанных лиц являются объектом как субъективных гражданских прав, так и правовых обязанностей, а т. к. именно совокупность прав и обязанностей является содержанием гражданских правоотношений, то правоотношение не может иметь иной объект, кроме как тот, который есть у его содержания [13, с. 590–591].

Также в литературе можно встретить употребление понятий «объект гражданского права», «предмет гражданско-правового регулирования». Ю. К. Толстой считает излишним усложнением разделять данные понятия и придает им одно значение [14, с. 52]. Видится, что данные понятия все-таки требуют определенного соотношения.

Для понимания вышеуказанных понятий необходимо отграничивать объекты объективного права – те отношения, которые регулирует та или иная отрасль, и объекты субъективного права, представляющие собой объекты правоотношений [15, с. 6]. Стоит заметить, что данные явления соотносятся друг с другом на основе принципа единства противоположностей: объект права и объект правоотношения отличны друг от друга, однако необходимо видеть определенную преемственность в их сущности, ведь объект правоотношений не может не унаследовать свойства объекта права.

Исходя из ст. 128 ГК РФ, можно сказать, что законодатель, восприняв плюралистическую концепцию, закладывает следующие объекты: вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Подобный перечень объектов гражданских прав можно обнаружить и в других правовых системах. Например, Гражданский кодекс Литвы 2000 г. впервые ввел нормы, напрямую касающиеся объектов гражданских правоотношений, и установил практически идентичный перечень объектов (отличием является сохранение за информацией статуса объекта гражданских прав). В Германии же к объектам гражданских прав (Rechtsobjekte) относятся вещи (Sachen), права (Rechte), совокупность прав и вещей (Sach-und Rechtsgesamtheiten), нематериальные блага (immaterielle Güten), животные [16, с. 144].

Обозначенный нами в теме работы объект права, согласно ст. 128 ГК РФ, рассматривается законодателем как вид другого объекта гражданских прав – имущества. Такое словосочетание как «имущественные права» встречаются в Гражданском кодексе 14 раз в первой части, а если учитывать виды имущественных прав, то количество упоминаний увеличивается до 33 раз. Однако какого-то либо определения имущественным правам законодателем не было дано.

Отправным понятием является «имущество», определение которого также не было дано законодателем. Классические учебники гражданского права дают ему следующее определение: «Имущество – это совокупность принадлежащих субъекту гражданского права вещей, имущественных прав и обязанностей» [12, с. 301].

Однако сам Кодекс не вкладывает в это понятие единого определения, ведь оно используется, например, в Разделе II («Право собственности и другие вещные права»), в котором под имуществом понимаются только вещи (материальные объекты), ведь только в отношении них (по классической модели) могут действовать права собственности. В других разделах в него вкладываются и имущественные права (например, касающиеся обязательственного права). Можно сказать, что вещи занимают основную часть имущества, даже исторически исключительно вещи являлись составной частью имущества. В связи с этим многие авторы выделяют наряду с обычными вещами такое понятие как «бестелесные вещи», которое пришло к нам из Древнего Рима.

Термин «res» (вещь) имел несколько значений и являлся более широким, чем мы понимаем его сейчас. Интересна позиция, согласно которой под ним понимался всякий объект, который имеет ценность и им охватывались в принципе все объекты, которые на данный момент относятся к объектам гражданских прав. Также под res понималась и вещь (в нашем понимании), и имущество [6, с. 143].

Римляне имели достаточно разработанную классификацию *res*, в которой выделялись также вещи телесные и вещи бестелесные, которая сложилась к последнему времени существования республики. О них мы узнаем из Институций Гая: «физические вещи – это те, которые могут быть осязаемы», а «бестелесные – это те, которые не могут быть осязаемы... (наследство, обязательства)». Из буквального толкования данного фрагмента можно установить, что бестелесные вещи суть субъективные права, которые включаются в состав имущественных объектов. Римляне к таким правам относили права вещные (кроме права собственности, так как вещь и вещное право на вещь соединялись в единое целое), обязательственные, семейные, наследственные [6, с. 156].

В иностранных правопорядках также существуют воплощенные концепции имущественных прав. Например, в швейцарском Гражданском уложении бестелесные вещи рассматриваются как объекты права собственности. В германском Гражданском уложении в принципе, объектами гражданских прав могут быть только права. Например, имея в собственности компьютер, лицо не пользуется им, а распоряжается своими правами собственности. В странах англо-саксонской правовой системы существуют, помимо бестелесных вещей, так называемое «имущество в требованиях» (*choses in action*), к которым относятся требования из договоров, ценные бумаги, репутации и т. п. [17, с. 200].

ГК РФ понимает под имуществом вещи или права и вещи. Вторым случаем характерен, например, для обязательственного права, а для вещных правоотношений имущество тождественно категории «вещь». Таким образом, для понимания термина «имущество» необходимо определить суть рассматриваемых правоотношений. Например, А. Н. Лысенко называет «бестелесными вещами» газ и электроэнергию [18]. Это не представляется верным, ведь, по мнению Л. Эннексеруса, предмет признается вещью по воззрениям оборота, а не исходя из физических особенностей. Также

вводить в российскую доктрину по аналогии с *res incorporales* само понятие «бестелесных вещей» не представляется обоснованным. Существует понятие «имущественные права», которое признается самостоятельным объектом гражданских прав, что означает отсутствие необходимости в создании каких-либо искусственных конструкций.

Остро стоит вопрос о существовании права собственности на имущественные права. Стоит отметить, что большинство мнений по данному вопросу в русле отечественной цивилистики сводится к отрицанию данной юридической конструкции, впервые созданной в Германии. Хотя существование вещных прав на другие имущественные права прослеживается и в российском законодательстве. Например, в случаях, когда по ст. 132 ГК РФ в состав предприятия включено имущественное право, его собственники имеют вещное право на весь состав предприятия, в том числе и на указанные объекты.

Сторонником такой конструкции являлся, например, Р. Саватье, который писал: «По мере того как в юридической технике начали появляться абстрактные имущества, первоначальный смысл слова «право собственности» был в действительности расширен. Этим словом хотят продолжать обозначать совокупность наиболее полную и наиболее абсолютную всех прав, которые можно иметь в отношении вновь возникших бестелесных имуществ. Это полнота прав. Мы вынуждены говорить о праве собственности на права для того, чтобы указать на полноту прав, о которых идет речь» [19, с. 90].

Однако наиболее убедительной кажется позиция, отрицающая существование «права на право». Ю. С. Гамбаров считал, что когда речь идет о праве на право, ошибочно понимать передачу и иные действия, которые направлены на права. В данном имеется в виду право на объект. Например, когда речь идет о залоге на сервитут, стороны имеют дело не с правом на сервитут, а с правом на предмет сервитута [4, с. 18–19].

То есть то, что в отрыве от самого объекта право не может самостоятельно удовлетворять интересы участников оборота. Также возможна ситуация существования бесконечного ряда «право на право на право...», что совершенно неприемлемо, особенно в отношении самих вещных прав, в круг которых входит право собственности. Получится, например, что в актив юридического лица может быть передано право собственности на другое право собственности, что видится еще более абсурдным.

Далее необходимо выделить признаки имущественных прав.

Во-первых, они всегда принадлежат определенному лицу, без принадлежности прав кому-либо отпадает в принципе их необходимость – сложно представить себе право, которое никому не принадлежит. Этот признак характерен и присущ имуществу уже в силу его природы.

Во-вторых, имущественные права представляют собой средство реализации имущественного интереса. С помощью вещных прав обеспечивается сохранение какого-либо имущественного блага, с помощью обязательственного – его получение.

В-третьих, имущественные права можно отчуждать от одного лица другому, на что указывает ст. 129 ГК, касающаяся оборотоспособности объектов гражданских прав, в т. ч. и имущественных прав. По общему правилу личность кредитора является второстепенной, что означает возможность передачи прав и обязанностей (в отличии, например, от права римского, где обязательственные права было строго личным отношением). Можно сказать, что лица являются лишь представителями своих имуществ.

В-четвертых, имущественные права имеют определенную денежную оценку, они всегда представляют некоторую экономическую ценность, это основа экономических отношений. Любой имущественный объект может быть измерен универсальной мерой стоимости – деньгами. Еще Г. Ф. Шершеневич говорил: «С юридической точки зрения под имуществом понимается совокупность подлежащих денежной оценке юридических

отношений, в которых находится известное лицо» [20, с. 95]. Однако законодателем не совсем четко было выработано данное положение. Например, в ст. 221 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» вводится положение об имущественных правах, имеющих денежную оценку (как часть конкурсной массы крестьянского (фермерского) хозяйства).² При буквальном толковании нормы можно прийти к выводу, что существуют имущественные права, не имеющие денежной оценки, что не соответствует действительности.

Таким образом, мы определили внешние характеристики имущественных прав. Можно согласиться с А. С. Яковлевым, который определяет имущественное право как «субъективное гражданское право, принадлежащее субъекту гражданского права, выступающее средством реализации имущественного интереса, имеющее денежную оценку, приобретаемое на основании сделок и иных юридических фактов и обладающее признаком отчуждаемости» [5, с. 72]. Далее необходимо рассмотреть содержательную сторону имущественных прав и изучить конкретные виды – вещные, обязательственные, исключительные.

Вещные права

Необходимость понимания таких субъективных прав как вещные права находила у многих цивилистов в их работах различные решения.

Мы поддерживаем мнение Е. А. Суханова, который определяет вещное право как абсолютное субъективное гражданское право лица, предоставляющее ему возможность непосредственного господства над конкретной вещью и отстранения от нее всех других лиц, защищаемое специальными гражданско-правовыми исками [12, с. 349].

Стоит отметить, что законодателем не было обозначено определение вещных прав в ГК (что представляется более чем разумным), однако само отношение к вещным правам со стороны законодательного регулирования кажется «неполноценным». По сути, Раздел II Гражданского

² О несостоятельности (банкротстве): федер.закон от 26.10.2002 г. №127-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) // Собр. законодательства Рос.Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

кодекса представляет собой регулирование такого вещного права как право собственности, а иные вещные права отходят на второй план, о чем говорит даже название данного раздела («Право собственности и другие вещные права»). Подобный подход можно обнаружить и у Г. Ф. Шершеневича, который точно также на первое место ставил право собственности, а права на чужую вещь считал придаточными [20, с. 201].

Концепция развития гражданского законодательства предлагает вариант решения данной проблемы с помощью выделения из всей совокупности вещных прав самостоятельных глав, которые регулировали бы владение, общие положения о вещных правах, право собственности и ограниченные вещные права.

К сожалению, на момент написания данной работы идея не реализована в жизнь, хотя помимо права собственности существует достаточно разнообразный пласт других вещных прав, характеризующихся одной группой признаков. Что же это за признаки?

1. Для начала необходимо определить, что вещные права всегда характеризуются тем, что складываются в отношении имущества. Вещное право в объективном смысле оформляет статику имущественных отношений, в сравнении, например, с обязательственным правом, которое определяет переход этого имущества. В данном случае также возникает вопрос о природе данного имущества: входят ли туда исключительно вещи, под которыми понимаются материальные и физически осязаемые объекты, или уместно говорить о вещном праве на нематериальные блага. Такая позиция обнаруживает себя в некоторых правовых системах (в странах системы общего права, во Франции), что не рассматривается в качестве уместного положения, например, в ГГУ, где в §90 вещь определяется только как материальные или физические предметы [21, с. 71]. Некоторые авторы указывают, что российское гражданское право должно пользоваться собственной традицией и идти по пути отказа от вещных прав на нематериальные права.

2. Следующий признак вещных прав характеризуется тем, что объектом таких прав может служить индивидуально-определенная вещь – так называемый признак специальности, в соответствии с которым объектами вещных прав не могут быть не только вещи, определяемые родовыми признаками, но и имущественные комплексы (совокупность разных вещей, которые подчинены одной цели) [12, с. 492]. Однако данный признак в теории также критикуется, т. к. в связи с развитием гражданско-правового оборота появляется необходимость вовлечения в вещные правоотношения и вещей, определенных родовыми признаками, на что также указывает и Концепция.

3. Также выделяется такой признак вещных прав как право следования (исходя из п. 3 ст. 216 ГК РФ), которое в силу данного положения можно определить как отсутствие оснований для прекращения иных вещных прав на данное имущество в случае перехода права собственности, а применительно к самому праву собственности означает, что последнее следует за вещью, и собственник в любом случае может истребовать данное имущество, где бы или у кого бы оно не находилось, хотя некоторые авторы рассматривают лишь только первый подход и считают, что право следования распространяется только на ограниченные вещные права.

4. Особый способ защиты своего права собственности также выделяется в качестве признака вещных прав. Собственник защищает свое право с помощью специальных вещно-правовых исков, которые могут быть направлены против неопределенного круга лиц. Данная традиция наблюдалась еще в римском праве, где собственник мог предъявить специальный вещный иск – «*rei vindication*» [6, с. 35]. В настоящее время ГК предусматривает виндикационные, негаторные и иные иски о защите права собственности и иных вещных прав (например, иск о признании права или обременения отсутствующим). Стоит отметить, что в случаях неправильного определения истцом способа защиты своих прав и ссылкой на некорректные нормы (например, истец предъявляет виндикационный иск на нарушение

обязательственных отношений), суд не может отказать в иске по данным основаниям.³ Тем не менее, судья будет применять тот способ защиты, который характерен для данного вида нарушенного права и, соответственно, применять соответствующие правила. Например, если по ст. 461 ГК РФ продавец продал покупателю вещь, которая не принадлежит на праве собственности продавцу и настоящий покупатель изъял данную вещь у покупателя, то необходимо применять вещно-правовые способы защиты (виндикацию), а, например, не реституцию.

5. Еще одной серьезной дискуссией в литературе является вопрос об абсолютной природе вещных прав. Долгое время это был чуть ли не единственный признак вещных прав (по мнению В. Я. Фукса: «вещность – это абсолютность» [22, с. 92]). Абсолютность также толкуется по-разному, а именно как: а) всеобщая пассивная обязанность; б) наиболее широкие возможности осуществления права; в) возможность предъявления иска к любому лицу [22, с. 96–97]. Как видится, единство в понимании указанного признака отсутствует. Также советская доктрина указывала на наличие отношений, которые нельзя с должной уверенностью отнести ни к относительным, ни к абсолютным отношениям [23, с. 31–32]. Также В. К. Райхер приводит пример обязательственного отношения (договора аренды), в рамках которого сторона может пользоваться защитой не только в случаях нарушения со стороны своего контрагента, но и от любого третьего лица, что указывает на абсолютность данных прав (по ст. 170 ГК РСФСР: «Арендатор имеет право на судебную защиту от любого нарушения его владения, в том числе со стороны собственника»).

Признаки вещных прав не являются единственной проблемой теории гражданского права. Часто в цивилистической литературе поднимается и другой вопрос – классификация вещных прав. Отдельные авторы по-разному

³ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 г. № 10/22 // Вестник ВАС РФ. 2010. № 6.

подходят к данному вопросу, единой классификации с единым критерием так и не было выработано.

В основе традиционной классификации вещных прав лежит деление, предложенное И. А. Покровским, в основе которого выделяется содержание данных вещных прав. Все они делятся на три группы: права пользования чужой вещью, права на получение известной ценности из вещи, права на приобретение известной вещи [24, с. 207].

Дореволюционные цивилисты делили все вещные права на право собственности, владение, право участия и залог [25, с. 7].

Изначально в ГК РСФСР 1922 г. этому вопросу был уделен специальный раздел, и к вещным правам были отнесены право собственности, право застройки и залог [25, с. 9]. Однако в последующем гражданское законодательство пошло по иному пути, вещным правам практически не уделялось какого-либо серьезного внимания. Единственным признаваемым ограниченным вещным правом было право оперативного управления.

На основе статьи 216 ГК РФ можно выделить в качестве классификации вещных прав право собственности и иные вещные права, перечень которых, исходя из данной статьи, не является *numerus clausus*, а может быть продолжен и другими законодательными актами. Например, право пользования имуществом по завещательному отказу (ст. 1137 ГК РФ), право пользования жилым помещением членом семьи собственника помещения (ст. 31 ЖК РФ), право ограниченного пользования земельным участком (ст. 36 ЗК РФ) и многие другие ограниченные вещные права. Однако для всех вещных прав предусмотрен закрытый перечень, потому что виды ограниченных вещных прав может создавать только закон. В этой связи стоит выделить еще один признак вещных прав – императивность их содержания только в законе, в отличии, например, от обязательственных прав, перечень которых неограничен и может вытекать из договоров между лицами [23, с. 96]. Подобное регулирование вещных прав существует и во многих других правопорядках,

однако, специфика закрытого перечня вещных прав обнаруживается во французском гражданском праве, т. к. система передачи прав по Французскому гражданскому кодексу основывается на соглашении сторон (именно посредством договора передается право собственности на объект от одного лица другому). То же самое происходит и с ограниченными вещными правами. Например, право сервитута не только создается договором, но и затем регулируется данным договором. Из этого следует, что договорное право позволяет определить любое содержание права сервитута, что создает некоторую напряженность между нормами вещного права и последствиями такого договора [26, с. 161].

После освещения основных характеристик вещных прав необходимо коснуться вопроса о возможности отнесения вещных прав к числу объектов гражданских прав. Положительный ответ позволяет отчуждать вещные права в отрыве от самой вещи.

Безусловно, существует две точки зрения на данный вопрос. Те, кто относит вещные права к объектам гражданского права, высказывают позицию нормативную (ст. 216 ГК РФ дает возможность отчуждения отдельных вещных прав в отрыве от вещи). К. В. Копылов указывает, что не все вещные права могут выступать в качестве предмета залога (например, право собственности, хозяйственного ведения и оперативного управления), что означает признание автором за некоторыми вещными правами возможности выступать в качестве объектов гражданским прав [27, с. 19–21].

Мы придерживаемся мнения, согласно которому вещные права исключаются из числа объектов гражданских правоотношений. Во-первых, существует право следования субъективного права за вещью (п. 3 ст. 216 ГК РФ). Соответственно, передача вещного права без самой вещи теряет какой-либо смысл. Единственным исключением является отчуждение доли в праве общей долевой собственности.

Таким образом, вещные права представляют из себя достаточно внушительный объем разнородных прав, которые с трудом можно свести в единое

целое. Поэтому в юридической науке не существует единого мнения как в определении этих прав, так и в их классификации. Также и в законодательстве объем вещных прав представляется достаточно размытым, в центре которых находится право собственности, а иные вещные права являются производными от первого. Решение данной проблемы находится в Концепции развития гражданского законодательства, которая, к сожалению, пока не была реализована.

Обязательственные права

Предметом исследования данной работы являются имущественные права, а применительно к данной главе – обязательственные права. Однако необходимо дать общую характеристику обязательственным отношениям (что и предпринимало большинство ученых в данной области), т. к. зачастую осуществление субъективного права невозможно без содействия обязанного лица (что отличает данную группу отношений от отношений вещных, где активного участия третьих лиц не требуется).

Представляется важным сначала определить значение центрального понятия данной темы – обязательства. Римляне рассматривали понятие «obligatio» как отношение или как пассивную и активную сторону данных отношений [23, с. 16]. Уже Г. Ф. Шершеневич видел в нем несколько основных значений: а) правоотношения между лицами; б) обязанности должника; в) право кредитора; г) юридический акт, удостоверяющий данные отношения [20, с. 265]. В. А. Белов также указывает на данные значения, добавляя к ним понимание обязательств как оснований возникновения отношений (например, договор) или же употребление данного понятия с целью указания вообще на всякое относительное правоотношение [28, с. 24].

Отмечается, что обязательство и обязательственные правоотношения стоит приравнять по своему значению [29, с. 6]. Необходимо обратиться к наиболее широкому значению понятия обязательства (обязательству как правоотношению) и выделить его основные черты.

Во-первых, основной функцией обязательства является обмен (по О. С. Иоффе – перемещение) имущества и иных результатов труда для удовлетворения потребностей (производительных и личных) [30, с. 4].

Во-вторых, обязательства обычно носят имущественный характер, что отделяет их от отношений личного неимущественного характера. Данный тезис является спорным в литературе. Например, И. Б. Новицкий указывает на существование и неимущественных отношений, но приводя в пример, по мнению Ф. И. Гавзе, не гражданско-правовой случай. Тем не менее, представляется, что обязательства все же являются имущественными, так как опосредуют процесс перемещения имущества. В. А. Белов указывает, что обязательственные отношения скорее являются имущественными, но, исходя из законодательного закрепления, возможно существование и неимущественного содержания данных правоотношений. Однако это имущественное содержание не означает возмездность данных отношений, существуют отношения и безвозмездные.

В-третьих, как уже было сказано, обязательства являются правоотношениями относительными, так как предполагают перемещение имущества и выполнение иных действий или воздержание от таковых между конкретными лицами, а не между всеми третьими лицами. Стоит отметить, что обязательства не занимают всю область относительных правоотношений. Вместе с ними туда входят, например, корпоративные отношения, секундарные права и т. п.

В-четвертых, в отличие от вещных правоотношений, где главным является право на собственные действия со стороны, например, собственника вещи, в обязательственных отношениях на первый план выходит право требования определенных действий от обязанного лица [23, с. 20]. Поэтому субъективное право кредитора в обязательстве именуется правом требования, а обязанность должника – долгом.

Таким образом, за основу можно взять данное М. М. Агарковым определение обязательству, под которым он понимал относительное правоотношение, в силу которого одно лицо (несколько лиц) имеют право требовать от другого лица (нескольких лиц) совершения определенного действия либо воздержания от совершения какого-либо действия [23, с. 21]. Существенных отличий от законодательного закрепления обязательства по ст. 307 ГК РФ не наблюдается. В анализе определений М. М. Агаркова, Гражданского кодекса РФ и, например, Проекта Гражданского уложения можно проследить три возможных варианта формулирования указанного определения: а) определение обязательства через права требования (М. М. Агарков); б) определение через долг, совершения действий обязанной стороной (Проект Гражданского уложения) [31, с. 250]; в) взаимодействие кредитора и должника (ст. 307 ГК РФ).

Содержанием обязательств является право требования и долг (корреспондирующая обязанность). Обязательственное право (в субъективном смысле) – субъективное гражданское право, состоящее из возможности его обладателя (кредитора) требовать от другого лица (должника) совершения или воздержания от совершения определенного действия (исполнения обязанности) [28, с. 21]. Характеристики обязательственного права следуют из сущности самого обязательства. Во-первых, обязательственное право является относительным субъективным правом, нарушителем которого может быть только индивидуально-определенная обязанная сторона. Во-вторых, обязанность, противопоставленная обязательственному праву, носит активный характер и заключается в выполнении каких-либо активных действий в пользу кредитора либо в воздержании от таких действий. Данное положение часто фигурировало в работах по обязательственному праву и подвергалось критике, в которой так и не нашлось убедительных аргументов в пользу существования исключительно положительных действий у обязанной стороны, что нашло отражение в законодательном закреплении

понятия обязательства. В-третьих, как правило, устанавливается на определенный срок с целью своего прекращения (чем отличается от вещных прав).

Наиболее разработанная структура обязательственных отношений находит свое отражение в Германии. В германском правопорядке наиболее детально разработаны виды обязательств. Например, существуют обязанности по предоставлению (*Leistungspflicht*), которые в нашем понимании называются «долгом». Эти обязанности корреспондируются правам требования (*Forderung*) [32, с. 243–245]. Наряду с данными обязанностями существуют должностования, охранительные обязанности и другие понятия, которые в терминологии ГК РФ включаются в понятие «обязательство» и «обязанность».

Важно также определить, какие обязательственные права могут выступать объектом правоотношений. В настоящее время возможно отчуждение, залог, доверительное управление обязательственными правами. Однако существуют определенные ограничения. Например, запрещен переход прав, тесно связанных с личностью кредитора (требования об алиментах, возмещении вреда и т. п. по ст. 383 ГК РФ).

Таким образом, обязательственные права являются одним из видов объектов гражданских правоотношений. Можно присоединиться к высказыванию Р. Иеринга: «Обязательство функционирует в обороте нового времени совершенно так же, как в обороте старого времени функционирует вещь» [5, с. 62]. Хотя нельзя отрицать, что вещь и обязательственное право отличаются по своему правовому режиму.

Исключительные права

Регулирование результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации началось относительно недавно – менее чем 200 лет назад [33, с. 68]. Хотя теоретическое осмысление началось гораздо раньше.

Для понимания такого имущественного права как исключительное право необходимо для начала определиться с понятиями. В литературе

встречаются такие понятия как «интеллектуальная собственность», «интеллектуальные права», «права на интеллектуальную собственность», «исключительные права».

Соотношение данных понятий представляет из себя серьезную проблему, которая так до конца и не получила разрешение среди ученых.

Понятие «интеллектуальная собственность» появляется в трудах ученых начиная с XVIII века, но «официальное» закрепление получает в Стокгольмской конвенции об учреждении ВОИС, в котором интеллектуальная собственность понимается как право на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации (литературные, художественные и научные произведения, исполнительская деятельность артистов, звукозапись, радио- и телевизионные передачи, изобретения во всех областях человеческой деятельности и т. п.) [34, с. 12]. Некоторые авторы указывают на неразрывную связь слов в данном словосочетании. Интеллектуальная собственность не идентична праву собственности и не является каким-то частным случаем, а представляет из себя отдельный феномен [34, с. 20–24] (сравнение с правом собственности см. ниже).

Исходя из ст. 1125 ГК РФ⁴ можно сделать вывод о том, что законодатель пошел по иному пути и в качестве интеллектуальной собственности отнес результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а не права на них⁵. Многие авторы видят в этом нарушение норм международного права и указывают на необходимость корректировки гражданского законодательства.

Словосочетание «интеллектуальные права» применяется лишь в целях выделения совокупности прав на данную интеллектуальную собственность.

4 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федер. закон от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

5 О некоторых вопросах, возникающих в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.03.2009 г. № 5/29 // Российская газета. 2009. № 70.

По мысли А. Л. Маковского, данный термин не несет в себе нечто глубинное, а существует в целях обобщения совокупности прав [35, с. 65–70]. Исходя из ст. 1226 ГК РФ, к интеллектуальным правам относятся исключительные права (имущественные права), личные неимущественные права и иные права. Соответственно, исключительные и интеллектуальные права относятся как общее и частное. Данное понятие было предложено Виктором Абрамовичем Дозорцевым. Хотя по мнению Ю. К. Толстого, четких критериев вычленения исключительных прав из системы гражданских прав, в том числе и интеллектуальных прав, пока еще никто не предложил [33, с. 73].

Таким образом, под исключительными правами можно понимать субъективное гражданское право, содержанием которого является юридически обеспеченная возможность управомоченного лица осуществлять абсолютное фактическое и непосредственное господство над результатом творческой деятельности [28, с. 48]. Из ст. 128 ГК РФ можно проследить выделение исключительных прав в особую группу, исключение из состава имущества. Тем не менее, на основе выделенных признаков они могут быть отнесены к имущественным правам. Хотя данная группа прав имеет собственные специфические характеристики.

Спецификой исключительных прав является нематериальный характер объекта, в отношении которого данные права появляются. Результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации представляют из себя нечто идеальное и неотделимое от автора данных объектов. Даже если появляется какой-либо материальный объект (вещь), то автор данных объектов все равно остается «собственником». Р. Дюма писал, что личность, помимо права собственности, создает также и право личности (неимущественное право), что позволяет сделать вывод о смешанной природе авторских прав [34, с. 78].

Результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации не могут отчуждаться, т.е. не могут участвовать в гражданском обороте.

Вместо них передаваться могут исключительные права на данные объекты (п. 4 ст. 129 ГК РФ). Хотя некоторые авторы указывают, что, так или иначе, исключительные права все равно сохраняют связь с личностью авторов, и в целях защиты прав авторов существует необходимость ограничения данных прав [36, с. 23].

Исключительное право является правом абсолютным, что означает обязанность всех лиц признавать данные права и воздерживаться от посягательства на них, а иск для защиты своих прав можно подать против каждого (любого), кто нарушает данное право. С данным признаком также связан признак исключительности этих прав, что означает возможность использование данных объектов либо самим правообладателем, либо с его разрешения. Поэтому исключительное право также направлено на защиту имущественных интересов правообладателей. Его основная цель – обеспечить указанным лицам право на получение вознаграждения и иного дохода (использование таких прав без согласия правообладателя незаконно и влечет юридическую ответственность, согласно п. 1 ст. 1229 ГК РФ). Например, Кодекс интеллектуальной собственности Франции содержит норму, согласно которой автор пользуется в течение своей жизни исключительным правом использовать свое произведение в любой форме и получать от этого имущественную выгоду [37, с. 67].

Также у исключительных прав есть особое содержание, в которое входит право использования и право распоряжения. Право использования в любом случае принадлежит лицу, создавшему определенный объект интеллектуальных прав. Закон не знает иных случаев. В. А. Дозорцев определяет его значение в возможности правообладателя монопольно совершать действия по коммерческой эксплуатации объекта, приносящие имущественные выгоды [38, с. 410]. Другое правомочие – право распоряжения – не направлено на сами результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, так как, исходя из сказанного, данные объекты в любом случае

принадлежат субъектам их создавшим. Поэтому данное правомочие направлено только на само исключительное право, благодаря чему и обеспечивается введение исключительного права в оборот, хотя оно и может быть ограничено или вообще отсутствовать в указанных законом случаях, но это положение не лишает правообладателя возможности реализовывать свое исключительное право. Также закон допускает передачу исключительных прав по иным основаниям (наследование, реорганизация и т. п.).

Таким образом, исключительные права являются видом имущественных прав и могут рассматриваться в качестве объекта гражданских прав, хотя стоит признать наличие у данного вида прав серьезных отличий от классического деления на права вещные и обязательственные.

Библиографический список

1. Агарков М. М. Ценность частного права: памяти проф. А. А. Смолина // Правоведение. 1992. № 2. С. 31–48.
2. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юридическая литература, 1974. – 340 с.
3. Иоффе О. С. Правоотношения по советскому гражданскому праву. – Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1949. – 144 с.
4. Бевзенко Р. С. Объекты гражданских правоотношений. – М.: ВШЭ, 2010. – 72 с.
5. Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. – М.: Ось-89, 2005. – 238 с.
6. Новицкий И. Б. Римское право. 6-е изд., стер. – М., 1997. – 245 с.
7. Иоффе О. С. Советское гражданское право. – М.: Юрид. лит., 1967. – 494 с.
8. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. – М.: Статут, 2011. – 847 с.

9. Белов В. А. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики. – М., 2009. – 960 с.
10. Grimm Д. Д. К учению об объектах прав // Вестник гражданского права. – М., 2007, № 1: Т. 7. С. 197–239.
11. Мейер Д. И. Русское гражданское право. 3-е изд., испр., стер. – М.: Статут, 2003. – 831 с.
12. Суханов Е. А. Российское гражданское право. Общая часть: 4-е изд., – М.: Статут, 2015. – 958 с.
13. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. – М.: Статут, 2003. – 782 с.
14. Толстой Ю. К. К теории правоотношений. – Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1959. – 88 с.
15. Ровный В. В. Проблемы объекта в гражданском праве: учебное пособие. – Иркутск: Изд. ИГУ, 1998. – 112 с.
16. Jakutytė-Sungailienė A. The system of objects of civil rights: problem of concepts. *Mykolas Romeris*. 2012. – P. 143–157.
17. Васильев Е. А., Зайцева В. В., Костин А. А. Гражданское и торговое право капиталистических государств: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Междунар. отношения, 1993. – 560 с.
18. Лысенко А. Н. «Бестелесные вещи» в гражданском праве: подходы к определению содержания. Самара. 2002. URL: <https://hr-portal.ru/article/bestelesnye-veshchi-v-grazhdanskom-prave-podhody-k-opredeleniyu-soderzhaniya> (дата обращения 16.09.2019 г.).
19. Саватье Р. Теория обязательств: юридический и экономический очерк. – М.: Прогресс, 1972. – 440 с.
20. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. По изданию 1907 г. – М.: Фирма «Спарк», 1995. – 556 с.
21. Шапп Я. Система германского гражданского права. – М.: Междунар. отношения, 2006. – 360 с.

22. Синицин С. А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: дис. ... докт.юр.наук: 12.00.03. – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2017. – 604 с.
23. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 192 с.
24. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – М., 2001. – 354 с.
25. Ахметьянова З. А. Вещное право. – Казань: Казанский университет 2010. – 64 с.
26. Akkermans B. The Principle of Numerus Clausus in European Property Law. – Oxford, 2008. – 657 p.
27. Копылов К. В. Залоговое обязательство в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис..канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – 199 с.
28. Белов В. А. Гражданское право. Т. 4. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы: учебник для бакалавриата и магистратуры. – М.: Юрайт, 2014. – 1085 с.
29. Гавзе Ф. И. Обязательственное право (общие положения). – Минск: Издательство БГУ им, В. И. Ленина, 1968. – 126 с.
30. Иоффе О. С. Обязательственное право. – М.: Юрид. лит., 1975. – 880 с.
31. Бевзенко Р. С., Хохлов В. А. Проект Гражданского уложения. – Тольятти, 2006. – 1092 с.
32. Егоров А. В. Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России // Вестник гражданского права. 2011. №3. С. 241–274.
33. Дозорцев В. А. Понятие исключительного права // Юридический мир. 2000. №3. С. 65–87.
34. Новоселова Л. А., Рожкова М. А. Интеллектуальная собственность:

- некоторые аспекты правового регулирования: монография. – М.: Норма-инфра-М, 2014. – 128 с.
35. Маковский А. Л. Об интеллектуальных правах // Актуальные вопросы российского частного права: сборник статей, посвященный 80-летию со дня рождения проф. В. А. Дозорцева. – М.: Статут, 2008, С. 56–71.
36. Калятин В. О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права): учебник для вузов / Вступ. ст. В. А. Дозорцева. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2000. – 459 с.
37. Кодекс интеллектуальной собственности Франции / пер. и коммент. Г. И. Тыцкой. – М.: ВНИИПИ, 1997. – 136 с.
38. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей. Исследовательский центр частного права. – М.: Статут, 2003. – 416 с.

УДК 343.9

Pedro Scuro (talcott02@hotmail.com)

MSocSc (Prague), PhD (Leeds)

Member of the directing board of the International Society of Criminology
(Paris)

Research fellow at the Law Academy of São Paulo

Педро Скуро

Магистр социальных наук (Прага, Чехия), доктор наук (Лидс,
Великобритания)

Член управляющего совета Международного криминологического
общества (Париж)

Научный сотрудник Юридической Академии Сан-Паулу

THE ANTICORRUPTION JORNEY THROUGH MASQUERADES ПРИТВОРСТВО НА ПУТИ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Abstract: In this comprehensive review article, the author considers processes of anticorruption activity in the world. Basing on the analysis of international financial crisis's consequences, anticorruption policies in different countries and particularly the United States of America (US-style plea bargaining, lobbyism and so on), the role of multinational organizations and public-private partnerships in the formation of governing coalitions susceptible to corruption the author justifies inefficiency of the modern anticorruption activity.

Аннотация: В настоящем всестороннем обзоре автор рассматривает процесс борьбы с коррупцией в разных странах мира. Основываясь на анализе последствий международного финансового кризиса, антикоррупционных мер в разных странах и, в частности, в США (таких типичных для США явлений, как сделки о признании вины, лоббизм и т. д.), роли международных организаций и государственно-частных партнерств в формировании

правлящих коалиций восприимчивых к коррупции, автор приходит к выводу о неэффективности борьбы с коррупцией в настоящее время.

Key words: media politicking, anticorruption lawfare, snitches versus whistleblowers, public-private partnerships, corruption, populist (substandard) justice.

Ключевые слова: политиканство в СМИ, антикоррупционное законодательство, стукачи против разоблачителей, государственно-частное партнерство, коррупция, популистское (низкокачественное) правосудие.

Imagine a ship in which the captain is taller and stronger than any of the crew, though a little deaf, shortsighted and with poor knowledge of navigation. Sailors quarrel with one another about piloting, each supposing he ought to steer, even though he has never learned the art and can't tell who his teacher was nor prove if there was a time when he learned it. They further assert that steering isn't teachable, and are ready to cut to pieces anyone who says the contrary. On ships in state of mutiny like these how will a true pilot be regarded?

Will he not be called a prater, a stargazer, a good-for-nothing?

(Plato, *The Republic* [1])

For Jerome Ravetz.

Introduction

To overcome deadlocks in 'inelastic' judicial institutions (specifically in fledgling democracies) and to appease publics demanding rapid punishment, governments and multilaterals have adopted ersatz anticorruption tools. These have virtually cancelled some previous efforts to improve justice systems and augment regulatory risks for corporations.

In the aftermath of the 2007–2008 financial crisis, an alternative instrument started to demarcate corruption no longer as 'economic', but as an insidious 'bug' in the organizational innards of political systems. Two goalposts were quickly established as prerequisites for success: to 'reduce complexity' and to

implement procedures bringing prosecutors and squealers over alleged corrupt actions committed by unwelcoming actors, mainly political leaders. The usual results on most occasions, however, after protracted periods of massive social, political and economic turmoil, were neither improved corruption control nor reduced local perceptions of malpractices.

More likely there were bouts of appeasement of concerns ostensibly focused on corruption but in fact more readily disposed to harass and undermine differing views. The arrangement in view was regulation through ‘collective action’, manifestly intended for businesses but used in actual truth by powerful sectors disposed to mutually contrive sanctions with the support of an hyper-partisan media. The modus operandi to that effect came from a criminal justice system that, despite being permanently on the brink of chaos, relies on ample resources to shape preferences through pressure and appeal, and to influence and change social and public opinion at home and abroad.

1. Of dogs and honest corruption

Men who turn means of destruction against others see themselves obliged/forced to annihilate their victims and objects, even morally. They have to consider the other side as entirely criminal and inhuman, as totally worthless. Otherwise they are themselves criminal and inhuman [2, p. 67].

In more than a few countries recent anticorruption developments “have given rise to a real and immediate risk of collapse in security, intelligence and cooperation”, [3] and contributed to plunge the economies of other nations into recession and paralyzed their fragile democracies by utterly discrediting major companies and mainstream politicians [4]. Concurrent with scandal and public execration, the struggle against politically intended *macro crimes* (illegal trusts, money laundering, embargo breaches, corruption) were used as ‘means of destruction’ of foes selected by the media of mass communication performing a “satanic role in the revolutionary change of perceiving the world, and in the extent to which these mechanisms can be manipulated” [5, p. 61]. The media’s recurring maverick role

is dictated this time by structural elements such as “a drastic drop in sales of print media” and “an increasingly saturated market in which traditional journalism competes with less formal or professional reporting” [6]. A burden that pushed its otherwise hi-tech communication infrastructure to secure “alternative ways of maintaining market shares and attention spans through the use of sensationalism and frantic news hunting”. Not surprisingly, contemporary media has become, according to the late Umberto Eco, a ‘muck spreading machine’.

There is not such a thing as ‘the news’, newsmen create it. When it comes to bad journalism every single newspaper insists that it’s a matter that concerns only the other diaries. But the home of bad journalism today is the Internet, which cannot differentiate undependable sources from reliable ones. Suffice to think of web pages and their success with reporting conspiracies and nonsensical accounts with enormous following not just from Internet users but also from influential people who take them seriously [7].

All of this does not seem to alarm multilateral organizations – UN, IMF, the World Bank – which came in recent year together on a ‘mission’ of demonizing corruption – because “it diverts resources from the economy and social development” – and to advance government reforms to a next higher stage: mitigating the effects of corrupt practices [8, p. 3–4]. Taxpayers, on the other hand, are warned that even though the press is biased it is not entirely “destructive” [6], provided credible sources are used and disseminated “in a professional, accountable and ethical manner, abiding by agreed journalistic codes of practice” [9, p. 160] – things which the informed public and the general population do not believe mass media of communication, small and great, are able to handle [10]. Deficiencies that have not prevented the formidable impact of electronic media and the press upon the trend of anticorruption warfare – they remain, increasingly through algorithms that make all the choices for us, a “consciousness-shaping industry” with “directional and control functions” [11, p. 99], thereby leaving many wondering if “we can ever again have a free and fair election” [12, p. 19]. Their vested

powers have less to do with the information broadcasted than with the usefulness of the ‘content’ (the ‘piece of meat’, in Marshall McLuhan’s colorful depiction (1964), brought by the burglar to distract the guard dog while he plunders the house [13, p. 24]).

In other terms, structural changes are thrown out when the addressees’ attention is focused in the ‘piece of meat’. A circumstance confirmed by empirical research: truth, sincerity and convenience are not as essential to media credibility than the ‘intelligibility’ achieved through elements such as equipment, signal quality and volume, type, level and reverberation of the noise in the background, all by far more determinant to coach and influence consumer perception [14, p. 584]. Therefore, ‘warning’ consumers on the limits of media responsibility might not be as important as multilateral organizations want us to believe, nor does it seem so relevant to expect the press to be ‘neutral’ – particularly if we consider the capacity of newfangled media to ‘rub and knead’ readers’, viewers’ or listeners’ perceptions in its quests for ‘beneficial’ responses to social, moral or political anomalies [15, p. 67]. Continuous sessions of such therapy lately ensured the media’s protagonist role in increasingly fierce anticorruption campaigns – in which it stands out a capacity to produce uniform points of view [16, p. 68], mostly when problematic normative significance are questioned.

The same holds in the case of corruption, till recently approached by leading theorists as a ‘functional’, even hoped-for, phenomenon. As when corrupt practices are introjected into public services in the form of a ‘marketing element’, namely bribery, viewed as a “volunteer transaction” whose social benefits exceed its costs because it helps to bypass inefficient rules and trade rigidity. Not surprisingly, “an honest, incorruptible judiciary can increase economic efficiency by greatly reducing the amount of corruption – though it is equally important to have a commitment to free markets, workable legislative and regulatory machinery (as) to prevent economic activity from becoming encrusted with inefficient restrictions” [17]. Thus, unrestrained market forces live perfectly alongside “honest

bribery”, advantageous for corrupt agents but also “free of charge” for the public at large. In a wider context, corruption may be an ‘integrative’ perversion that ‘defragments’ or ‘loosens’ public administration by enabling greater coordination between different departments or levels of government [18]. As when private initiative chooses corrupt practices in order to occupy urban space, creating ‘real’ cities over and above ‘imaginary’ ones, which are chimerical, existing only in licenses, official reports, plant maps, prototypes.

He who lives in ‘the real’ (city of) São Paulo may bump for instance into an upper-middle class allotment with 13 residential buildings, shopping malls and a sports’ complex, a mix of clubhouse and gym. In the city administrative division, which determines the perfectly regular use and occupation of the urban space, you find the same 13 buildings but instead of a sports complex there is a public park, and instead of shopping malls nine small buildings for commercial and service purposes [19].

For all practical purposes the costs of ‘real cities’ – based on ‘integrative corruption’ – amount to public services permanently out of schedule in relation to demand, to seemingly endless traffic jams, and to the disqualification of public urban planning as an element of improvement of the quality of life. Economists and jurists are there who think that the cost impacts of corruption may be disregarded – for the above-mentioned magistrate for example dysfunctional corruption does not belong to the realm of private initiative; it’s rather a matter of a “Congress that for a long time has been owned by the rich” [20]. To say that in the private sector there is anything remotely similar to corruption is a “blasphemy”, he says, simply because giants like Google, Amazon and Microsoft list among the “best multinational corporations in the world” – one only needs to “talk and persuade them to change their actions a little and everything will be alright”. Thus, since they have “never came up in my court”, no one should “bother if they are monopolies” nor if there are “serious, real, and lurking problems with them”. However, the reason of such nonappearance of at least one of those companies is quite clear:

During Barack Obama's administration Google hired throughout the top echelons of Washington's policymaking world. Meanwhile former Googlers occupied key positions at the National Economic Council and the U.S. Digital Service, part of the President's Executive Office. In the interim the company and its main law firms hired several people from the Federal Communications Commission and the Federal Trade Commission – the latter being an agency that has conducted investigations into the company's conduct on privacy and antitrust grounds [21].

2. Politics in tatters

Before the year 2000 bribery was considered a 'necessary evil' by most exporting countries. Of course, it was perceived as a nuisance to those having to pay, and the exporters realized that local judiciaries were rarely able to deal with it. In fact, in many instances local law enforcement agencies and judges were part of the problem. Therefore, an attitude 'when in Rome do as the Romans do' prevailed. Even companies based in countries culturally averse to bribery (such as the Nordic States) rarely saw a problem when bribing in the Third World. Lawyers in developed states helped bolster this attitude with the corresponding theory: host states of companies are not responsible for the protection of the public interest of foreign states, they said. Overall, this attitude was very much embedded in (post-) colonial thinking [3, p. 7].

The intimate relation that brings great corporations, governments and banks into a close, indefatigable association was tested during the crisis of 2007–2008, ranking North American politics and business along the most corrupt of the world. To the average American citizen however, corruption remains a phenomenon not entirely 'abnormal', probably because is not always uncouth nor done secretly; it is rather a chapter of the 'rule of game', even acknowledged as a perfectly legal feature of U.S. politics since the year 2010, thanks to a verdict of six out of eleven members of the Supreme Court. A decision apparently in contrast with a Founding Fathers' corner-stone clause on political corruption established more than two centuries ago: "it is necessary to shut the door against corruption", a provision

on which “our liberties depend – and if we strike it out we are erecting a fabric for our destruction” [22]. Yet, the heart and soul of the venerable patricians’ argument had very little to do with our contemporary notion of political corruption, as the misuse of power by government officials for illegitimate private gain. What they dreaded most was the prospect of “men of little character” to acquire too much power and becoming “easily the tools of intermeddling neighbors”, whose interference had to be avoided if “we ought to go as far in order to attain stability and permanency” [23]. Now, once this is achieved republican principles are no longer under threat and it becomes only natural – at least according to the majority of judges on the U.S. Supreme Court – that no limits should be imposed to private investment in politics and political parties. Therefore, that money “cannot be regarded as corruption” – quite on the contrary it must be looked upon as an equivalent to the freedom of speech; preventing such an investment should be seen as detrimental to democracy as preventing the individual citizen from taking part in politics. A decision with historical dimensions that confirmed the Court’s secular intention to give to multinationals the same constitutional status of commoners – something rejected by at least 80% of the population.¹

Five years after the 2007–2008 crises, 200 of America’s most politically active corporations spent a combined \$5.8 billion on federal lobbying and campaign contributions. Only they – not counting the other companies and associations which integrate the ‘free market’ of the country – had gotten in exchange \$4.4 trillion in federal business and support [24].

Over and above the zone of market economy par excellence [of ordinary capitalism, based on competition] presides a zone of anti-market [‘contre-marché’], where great predators roam and the law of the jungle operates – today as yesterday, even before the Industrial Revolution. Capitalism only triumphs when it becomes identified with the state, when it is the state [25].

¹ Citizens United v. Federal Election Commission, Application No. 08-205, U. S. Supreme Court, January 21, 2010.

Academic literature also shows that, notwithstanding massive amounts of murky money transacted in domestic and external economy and in politics, the average American learns “to distinguish between examples of serious wrongdoing from those with which he/she can live”, and to find a line separating “what is deliberately corrupt from what is not”. In many foreign countries, but particularly in the United States citizens increasingly hear about scandals of corruption but feel “a certain degree of comfort knowing that at least these corrupt activities were uncovered, publicly disclosed in the press, and might possibly be investigated and even prosecuted and punished” [26, p. 146].

In the United States there is an overly close relationship between politician, donor, and lobbyist. What makes their quid pro quo-looking exchanges acceptable is that they are not boorish backroom examples of out-and-out bribery. They are legal. The contributions are transparent, the favors given are on record, and it is all done consistent with technical rules that restrict who can give and how much can be given. Still, it astonishes that in a country that so vigorously prides itself on being democratic, only people with access to a lot of money are able to be viable candidates for most political offices.

A curious perception of the link between politics and corruption in that democracy is the statement by a main advisor of at least three U.S. former presidents: “our democracy is a fraud”; it is a system overwhelmed by two parties and by politicians whose “household expenses, food and even beer are paid for by great corporations”. A system in which “to do well, the politician needs around \$200 million dollars”, money a congressperson can raise by falling in good graces with their party’s president who, accordingly to convenience, provides the partner with a password authorizing to entertain donors in his/hers office every afternoon. Besides those obligatory 5 hours, the congressperson must take part in cocktails, dinner parties and meetings – which conveys “a very clear message: you are a slave and the donors your masters” [27].

Politicians who do not fit in this ‘normal’ scheme must count exclusively on their own resources. Some of them barely make it. A case in point was William J. Jefferson’s, the son of a modest family, first black member of legislative in history to represent Louisiana, one of the states with largest Afro-American contingent of voters in the country. All through his nine congressional mandates, from 1991 to 2009, Jefferson was a member of the ‘Progressive Democrats of America’, a political organization and grassroots action committee operating in and outside the Democratic Party advocating health care as a human right, social and economic justice, environmental protection, end of using military force and of mass criminalization, etc. Against the host party’s design Jefferson was successively reelected, even after he was accused of ‘corrupt acts’ – that is, of summoning and organizing public workers to attend meetings and promotional events promoted by African energy, farming and communication companies. Dismissing the charges of corruption his lawyers claimed that all he did was perfectly legal, still more considering the 2010 Supreme Court decision. Even so Jefferson was convicted to 13 years in prison and remained in jail until 2017 when a federal judge finally disqualified almost every accusation and ordered his release.

As it unfolded over several years the Jefferson case set off a government battle of constitutional proportions, when the Federal Bureau of Investigation found \$90,000 neatly wrapped in aluminum foil and placed in Mr. Jefferson’s home freezer. A federal judge upheld the raid, but an appeals court ruled that it was constitutionally flawed and that some documents should be returned to Mr. Jefferson. The Supreme Court let that ruling stand. Prosecutors said the money was from a Kentucky businessman and was supposed to be used to bribe a high official of Nigeria, later identified as the vice president Atiku Abukaer, who denied being part of any scheme [28].

3. Focus on the vulgar and destiny

The United States is hardly a country that acts in accord with international standards, expectations or specifications of right or good conduct. It has a history

of frequent (more than two hundred) military interventions overseas and of meddling (at least 81 times from 1946 to 2000) in elections in democratic foreign nations [29]. Not surprisingly, American attitudes towards corruption or protection of human rights are unreliable – for the political elites genuine ‘human’ are only the rights to ‘property’, ‘free market’ and ‘religion’ – since the 1950s the country has consistently refused to recognize the International Criminal Court and has not ratified several major human rights’ treaties (including the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination, the International Covenant on Civil and Political Rights, and the International Covenant on Economic, Social, and Cultural Rights).

Today, the United States is still not fully committed to the international human rights system. The government has yet to ratify important human rights-related treaties and opposes some forms of international cooperation on human rights such as the International Criminal Court. There are signs, however, that the United States is increasing its commitment to international human rights. In 2009, the United States rejoined the UN Human Rights Council that it helped to create and signed the newly created Convention on the Rights of Persons with Disabilities [30].

The most recurrent excuse for failing to abide by international standards is the Cold War, a tragic and mostly senseless geopolitical confrontation with the Soviet Union, and subsequently the Russian Federation (plus Cuba, North Korea, Iran, Venezuela, etc.). Cold warmongers insist that to respect human rights would put U.S. global hegemonic interests at risk – “to do good requires most of the times to commit an evil”, according to a psychopath-cum-business executive and secretary of defense [31]. Yet another flimsy pretext to disrespect human rights is the proverbial American unwillingness to change domestic discriminatory laws and politics, only on account of some ‘foreign’ treaty. It is therefore not surprising that so many federal states have so often carry out racial intolerance and criminalized rules to the detriment of political opponents. In the 1950s,

for instance, hundreds or even thousands of Americans were penalized through trial verdicts and laws later declared unconstitutional, illegal or actionable dismissals and extra-legal procedures (informal blacklisting), etc. [32]. Human rights' violations seem 'natural' if they happen overseas and the average U.S. citizen does not recognize that they are being disregarded also in the United States – which reveals an “extraordinary ability to naturalize and accept the violation of human rights and to familiarize with it” [33].

Those amazing but rather disquieting abilities to withstand changes and to function 'as usual', reflect the workings of a social structure that organizes actions and perceptions by making social inequalities and violation of rights seem tolerable and even 'natural'. Not just the public opinion but also scholars apparently perceive with compassion abuses of rights and corrupt practices – including excesses with which the common citizen puts up with reassurance, on account that 'feelings always change', therefore something seemingly abusive today may almost without fail become 'acceptable' tomorrow – taking into account new facts, events or “manners, rules and orientations emanating from Congress, the courts and agencies of regulation” [26, p. 22]. What is more, since “not all issues are ever solved” at all times the best way to redress is to trust sound common sense and the commitment of the press to identify “violations in need of more attention, punishment and remediation”.

Such a penchant to 'hand over everything to the vulgar and destiny' denotes a characteristically Machiavellian attitude (“what is bad today might be good tomorrow”), an incompetence to go through relationships or to imagine other settings, explains virtually nothing about human rights or corruption. It refers to an over-analytical propensity to bring social structures down to minute elements – denoting in particular the multilateral organizations' preference for confronting corrupt practices through 'democratic dialogue' (regulated by the media) and by means of collective construction of “a culture of transparency and accountability” [8, p. 8]. Initiatives that depend on the will of the most powerful agent,

the state – as it happened in the United States back in 1977 when an excess of bribery defrayed to public servants, politicians and foreign political parties led to the promulgation of the Foreign Corrupt Practices Act (the FCPA).² The idea was to keep under surveillance the accounting transparency of American companies and to suppress their paying bribes to aliens. Therefrom, under the watchful eyes of a ‘Securities and Exchange Commission’ (the SEC), in charge of “protecting investors, keeping markets fair and efficient, and to make the reproduction of capital less difficult”, the state began to play a crucial role in the “cooperation and coordination among regulatory agencies and systems of justice all over the world” [34]. The problem however was that the commission soon became a stepping stone for those who wanted a successful career in financial markets – a reason why so many corporations’ wheelings and dealings usually do not come to courts’ knowledge, particularly during the Wall Street boom years.

There certainly is a problem with capture of regulatory agencies. The best example is the SEC with a particular career pattern. You go to work for a financial firm in Wall Street, do well and then go to work for the SEC, get a good job there and then go back to Wall Street, where you get a better job. The fear is that in order to have a sure path to returning to Wall Street, you better not be too ferocious as a regulator. There are other situations where working for regulatory agencies is just a stage in your career, but you have to be careful to not be too aggressive as a regulator. I don't have a sense that this happens with the Justice Department. I think prosecutors are expected to be aggressive. Aggressiveness is valued by the private sector, and when they're tired of being prosecutors they're hired to be tigers for the other side [20].

4. A shared encumbrance

In violation of United States trade sanctions for more than 10 years Barclays moved huge sums of money for enemy governments. The British bank systematically disguised the movement of hundreds of millions of dollars through wire

² The Foreign Corrupt Practices Act. URL: <https://www.sec.gov/spotlight/fcpa/fcpa-resource-guide.pdf>.

transfers that were stripped of the critical information required by law that would have enabled the world to know. Yet all federal prosecutors wanted to settle the problem was a small piece of the action “Why isn’t the government getting rough with these banks?” the remarkable response was that the government had investigated but couldn’t find anyone responsible. In recent years, Union Bank of California, American Express Bank International, BankAtlantic and Wachovia have all been caught moving huge sums of drug money, but no one went to jail. The banks just admitted to criminal conduct and paid the government a cut of their profits. Of course, the government did a thorough investigation but could find no individuals responsible [35].

No country approves corruption and the current trend is for anticorruption legislations to coalesce. For a time, for corporations at least, there was an outward appearance that unwanted outcomes could no longer be avoided – corruption was said to be ‘inherent’ to certain kinds of industry like mining, oil and gas, defense, building and engineering, all at risk of being investigated in different parts of the world. Then, it was not so much a matter ‘corrupt country’ than but ‘corrupt industry’ – the task of governments was only that of increasing their standards to fight and prevent corrupt practices, and to guarantee company accountability [36]. American experience in this respect, notwithstanding ‘inevitable’ careerism, imparted good examples of good practices with positive improvements. Such as predominance of ‘premonitory’ (symptomatic) control with the purpose of handling information about corrupt practices before and during the act, often using early warnings to take preventive action against deviance. It encouraged greater organizational accountability, stricter supervision and removal of procedures that stimulate corrupt practices. Focused on monitoring and on anticipated warning, in much the same way as in public health and civil defense, premonitory control can be more effective to prevent corrupt practices and also to repress them. Surely enough, proof and evidence obtained this way tend to be more convincing in criminal trials than postmonitory control – it is more reliable and admissible,

as a classic study on corruption in public organizations (police) had established quite a long time ago [37, p. 20–21, 120–145].

The SEC, for one, is an example of elaborated premonitory system of corruption control that instead of working in isolation listens and learns from the experience of actors in markets, specifically large corporations, from whom the system peremptorily requires updated, complete and precise information to enable safe decisions from investors, yet another source of learning and doing about certain subjects or events. Every year, with the assistance of such contributors, the SEC promotes strict measures against companies and individuals suspected of negotiating valuables using false or disorienting data. In most of these functions the Commission plays the role of main supervisor and regulator of markets in the United States, acting alongside Congress, federal offices and regulatory organizations such as state and private stock exchanges. Something said to prevail also abroad, particularly in Brazil after the enactment in 2013 of the ‘Clean Company Act’ (BCCA) – considered by the Commission and the Department of Justice as “more extensive” than U.S. legislation.

While largely similar to the FCPA, there are some notable distinctions of which companies operating in Brazil should be aware. For instance, the BCCA imposes strict civil and administrative (although not criminal) liability on foreign and domestic corporations that bribe public officials. A key distinction from the FCPA is that under the BCCA corrupt intent need not be proved. In addition, so-called facilitation or ‘grease’ payments are not permitted under the BCCA. The Brazilian law also goes further than the FCPA by prohibiting fraud in public procurement, bid rigging, and contracts with public bodies, and by covering bribes made to both domestic officials in Brazil as well as foreign officials. Importantly, the BCCA provides explicitly that companies will receive credit for compliance programs [in other words, willing to attend norms from regulatory entities in inherent aspects to their own intern control] [38].

To foreign observers, the problem is to put in action such an aspiring legislation – to be effective it depends to a great extent on authorities firmly deciding which procedures can be adopted in distinct situations. A seemingly fair reasoning, considering that despite the declared public interest on the impact of corporate corruption and the great amount of concern about its dangers, just a single process was finalized in Brazil for a considerable long time after the ratification of OECD's Convention in 2000. A substandard performance not dissimilar from other nations, reflecting an overall low commitment of governments and companies in the enforcement of laws against corporate wrongdoing is extremely low – “in contrast to the apparent consensus on management issues [e.g., the ISO standard of environmental management], there is little evidence of a de facto standard on companies' published anti-corruption commitments. Fifty-seven among the top one hundred multinational enterprises do not explicitly acknowledge the issue on their websites” [39, p. 14]. An extant possibility would to ‘debar’ corporations from obtaining incentives, subsidies, grants or loans from government agencies. Canada, for instance, debarred contractors from participating in government procurements for 10 years after a contractor or its affiliate has been convicted of an ‘integrity offence’ (bribery, extortion, tax evasion, bid-rigging, forgery, fraudulent manipulation of stock exchange transactions, insider trading, falsification of books, money laundering and acceptance of secret commissions). Outside Canada, however, it is apparently business as usual.

After the rout of Saddam Hussein by the US and its “coalition of the willing”, a large-scale effort to reconstruct Iraqi facilities and infrastructure was mounted. AECOM [an American multinational] was one of the companies awarded a contract to supply the Iraqi army to the tune of US\$1.1bn. An audit by the office of the special inspector general for Iraq reconstruction found that AECOM potentially overbilled or could not support more than \$4.2m in costs, or 14% of the \$30.6m the office was able to examine. Numerous financial irregularities and accounting problems were identified that rendered it almost impossible to reconcile costs against expenditure – creating a situation described as tailor-made

for expense padding and outright fraud. To give an example, documents showed that AECOM exorbitantly overcharged for routine items such as replacement parts: it charged \$237 for a vehicle mirrors costing only \$14.88, submitted invoices seeking reimbursements of \$196.50 for a bag of 10 washers costing only \$1.22, \$10 for a 45-cent fuse, and \$210 for an inner tube that was supposed to cost \$24.09. Such assessed charges by AECOM represent cost inflations on cheap, commonly available items in the order of several thousand per cent [40].

It is not surprising that AECOM's malpractices in the Middle East have not prevented the company from offering, in Brazil and Latin America for example, 'environmental services', and from helping corporations, their law firms and trade associations, "to develop cost effective solutions" (hopefully not with the expertise gained in Iraq). In general, government action is flimsy, also because companies themselves have little interest in sharing concepts and vocabulary for making anticorruption commitments, notably "in areas such as political contributions, facilitation payments, gifts and entertainment [39, p. 11]. Evidence that explains why more than a few experts prefer premonitory control and come to the conclusion that there is "no way to detect corruption unless there are measures to protect whistleblowers" willing to expose government or company dishonest, illegal or unethical information or activities [41], [42, p. 5], [43]). Even so legislation passed in the United States, as a reaction to the 2007–2008 crisis, in order to improve accountability and transparency in the financial system – by means of giving whistleblowers job security and pecuniary reward – is at present under serious threat of being dismantled. The pretext is that its costs are too high to business: less than \$1 billion in 2011 to almost \$12 billion five years later [44]. Things are even worse in the case of government employees who dare to make disclosures – a Supreme Court decision has curtailed free speech liberties by submitting whistleblowers to an antediluvian Espionage Act (1917)³, a "poor vehicle for prosecuting" used as a "tool of intimidation" for leakers and whistleblowers who might want to follow the examples of Edward Snowden, Chelsea Manning and Joshua Schulte [45, p. 4–5].

3 Espionage Act (1917). URL: <https://archive.org/details/jstor-2187619>.

Obsession for secrecy is a contagious also in Brazil where protection of official deeds greatly increased in recent years. A federal decree (Jan. 23, 2019), for example, has still thwarted an allegedly poor performance of anticorruption agencies already encumbered with “layers of legislation and regulations” preventing the application of international recommendations. Not to mention an “uncertain” capacity to recover the product of bribery, resulting from officers’ poor guidance and training in matters concerning money laundering, accounting and auditing [42]. Uncertainty that haunts civil servants not just in Brazil, caused by “mountains of meaningless data” produced by dirty money tracking, predestined to collect “dust next to the already unmanageable oceans of data which banks are required to produce” for governments [46]. This aggregate of doubts and limits forced authorities everywhere to desist from supporting whistleblowers, and opt to encourage suspects to provide information about their associates in wrongdoings. Hence a “wider strategy” presented to companies by compliance specialists and multilateral agencies: corporations would take their “own share of responsibility and control over the anti-corruption agenda”, whereas society (mostly the media of mass communications) “fosters, mediates, and monitors this development” [45, p. 14].

Thus, from now on the idea of corruption as a typical ‘collective action problem’, bringing together citizens and firms against crooked government officers, each other enmeshed in ‘games’ devised at first to fit opposing nuclear powers, then financial markets, and at present ‘swift’ criminal justice. Its better-known products, the ‘prisoner’s dilemma’ and ‘plea bargaining’, proclaim benefits for all, mostly society but also the accused of corrupt practices (in exchange of incriminatory evidence about other suspects) – which is rather convenient if the ‘problem’ is to associate corruption with political adversaries. In the words of a member of the Brazilian Supreme Federal Court:

There is nothing a prosecutor wants more than to resolve things speedily, but there is a distance between what he wants and what the legislation authorizes.

Unfortunately, we are learning how to use plea bargaining during a perfect storm when, because of investigations into corruption such as the 'Lava Jato' [internationally celebrated anti-corruption task force known as Operation Car Wash], the public demands rapid punishment. Someone who takes a position against any aspect of plea bargaining is immediately labeled as in favor of corrupts. Perhaps at a different time this new institution could be analyzed with more calm, but this is the reality, and we need to deal with it [46].

We are introducing an institution whose historical roots are in another judicial culture into the Brazilian judicial system, which is a rather delicate process. Evidently, plea bargaining has produced results and should be preserved, but all negotiations must comply with the Brazilian constitution and laws. If not, the effect will be the opposite of what is expected, because all sorts of agreements will be made and in a short while public opinion will reject it [the new instrument] [49].

5. From control to spectacle

To overcome deadlocks in 'inelastic' judicial institutions (specifically in fledgling democracies) and to appease publics demanding rapid punishment, a few NGOs, governments and multilaterals have adopted ersatz anticorruption tools. These have virtually cancelled some previous efforts to improve justice systems and augment "regulatory risks for corporations" [47, p. 14]. In the aftermath of the 2007–2008 financial crisis, an alternative instrument started to delineate corruption no longer as 'economic', but as an insidious 'bug' in the organizational innards of political systems. Two goalposts were quickly established as prerequisites for success: to 'reduce complexity' and to implement procedures bringing prosecutors and squealers over alleged corrupt actions committed by unwelcoming actors, mainly political leaders. The usual results on most occasions, however, after protracted periods of massive social, political and economic turmoil, were neither improved corruption control nor reduced local perceptions of malpractices. More likely there were bouts of appeasement of concerns ostensibly focused

on corruption but in fact more readily disposed to harass and undermine differing views. The arrangement in view was regulation through ‘collective action’ [50], manifestly intended for businesses but used in actual truth by powerful sectors disposed to mutually contrive sanctions with the support of an hyper-partisan media.

The modus operandi to that effect came from a criminal justice system that, despite being permanently on the brink of chaos, relies on ample resources to shape preferences through pressure and appeal, and to influence and change social and public opinion at home and abroad [51]. Its most alluring promise is to ‘unchain’ the penal process and, despite of not having constitutional nor statutory bases, it offers a ‘mutuality of advantages’ that serves the interests of the accused and the courts, though notably prosecutors’ whose profession regained a lost sense of purpose and utility – expressed by a rate of conviction in 90-95% of cases [52]. Hence a prevailing notion that plea negotiation is inevitable, desirable, or both, and that efforts should be directed at improving rather than eliminating the practice. Hence a propensity to approach it as a consolidated institution, suitable for any category of crime, including the most serious ones – its supporters say that American justice would not work properly without it, although some of most qualified jurists disagree.

The Commission flatly rejects the idea that plea negotiations are needed to give flexibility to the criminal justice system and to avoid unjustifiably harsh provisions of substantive law. This Commission has recommended a reasoned, rational penalty structure. Further, if there appears to be a harsh effect, a prosecutor can alleviate the problem in hers/his selection of initial charge. To the extent that greater flexibility is desired, it should be made available as a matter of formal law, either by changes in the definitions of substantive crimes or in a modification of dispositional alternatives available to sentencing courts. [Hence the Commission’s conclusion that] as soon as possible, but in no event later than 1978, negotiations between prosecutors and defendants – either personally

or through their attorneys – concerning concessions to be made in return for guilty pleas should be prohibited. In the event that the prosecution makes a recommendation as to sentence, it should not be affected by the willingness of the defendant to plead guilty should not be considered by the court in determining the sentence to be imposed [53].

Effectively, the drive towards ‘negotiation’ prevails in countries where criminal codes are increasingly punitive; the American sentencing structure, for one, is harsher than any Western nation’s at present. Analogous difficulties take place all around especially when certain definitions of crimes, even though obsolescent, are imposed by extremely conservative pieces of legislation in which those definitions are framed. As in the case of the above-mentioned U.S. Espionage Act, or the Brazilian legal concept of ‘criminal organization’ – law no. 12.850/2013, based on a magic figure of 4 or more individuals “structured ordered and separated according to a division of work, for criminal purposes”. The statute is retroactive to the 1930 Italian fascist penal code, whose terms are still to be found in every candid definition of ‘systemic’ (widespread, pervasive, entrenched) crimes – including corruption rooted “deeply in bureaucratic and political institutions” and seen as “routine in dealings between the public sector and firms or individuals” [54]. Actually, a rather flimsy perception in the light of more up-to-date legal understanding enlightened by criminological research –the New York Penal Law § 460.20, for example, mentions uniquely ‘*enterprise* corruption’ in connection with white collar or organized crime, whereas the Supreme Court requires a ‘continuity [long-term] plus relationship’ clause, making clear that there are associations which “include, but extend well beyond those traditionally grouped under the phrase ‘organized crime’” [55]. Therefore, the best alternative today – regrettably not yet a priority in most countries – would be using a comparative perspective to reshape the “wrongfulness [existence of intention to indulge in an enduring criminal lifestyle] and the dangerousness of organized crime groups within society and economy of a country”.

On the other hand, definitions frozen in time, tainted by symbolic measures, are as inadequate to apprehend ongoing phenomena as Woody Allen's 'explanation' for organized crime: a business capable "to move more than 40 billion dollars per year and at the same time spending very little in stationery". From another standpoint, Italian criminologists have for long discerned organized crime and corruption – even when the latter is 'systemic' or 'organized' – as phenomena quite dissimilar [56]. "Contemporary mafias corrupt but are not mafias in a classic historical sense; organized crime, on the other hand, is not mafia since it does not intend to establish a primarily organic relation with political power, which is a mafia's archetypal feature" [57]. Dissimilarities seem to be even greater as far as politics is concerned, even from a human existential perspective.

It is difficult for a politician to become a 'man of honor'. There is a strong sense of mistrust in Cosa Nostra towards politicians because they are treacherous, they do not keep promises, and they are sly. They are people who break their words and are without principles [58, p. 208].

This statement by the mafioso state's witness Antonino Calderone, unintentionally sarcastic, touches a very important aspect. Contrary to a common belief, the Mafia and corruption are completely separated phenomena when considered analytically. They are discrete 'businesses', dealing essentially in different commodities: private protection, on the one hand, property rights on political rents, on the other. This explains the obsession of the mafiosi, as arbitrators in controversies, for respecting the given word [...] The unscrupulous attitude of politicians on this point cannot but arouse contempt. There is only a limited ground for potential interaction, a common market where both Mafia and political protection can be offered simultaneously [59, p. 236].

Despite the difficulties of interaction and dissimilarities of 'markets', to function and continue to run on their own terms, without having to answer to anybody but themselves, companies – business elites, to be precise – have increasingly resorted to Mafia-like routines [60]. *Et pour cause*, since resources count

as ever more than votes, so that business “communities” stand by far the most powerful actor in any political scene. A kind of autonomy that, in late 20th and early 21st centuries, stood uncontested thanks to long-term contracts of ‘cooperation’ between public sector authorities and private parties for infrastructure provision: ‘public-private partnerships’ (PPPs or P3) in which the notion ‘cooperation’ denotes precedence to ‘parts’ rather than ‘partnership’, in so far as most or all of the income risk is borne by the public sector. The scheme waned significantly since the fateful crisis of 2007–2008, after being a tool for establishing ‘governing coalitions’ susceptible to corruption and conflicts of interests [61, p. 148–149], at various levels of government, offering business elites a gateway to political influence and never-seen-before ways to concoct political consensus.

There have been PPPs of various amplitudes, involving project design/financing, construction, operation/maintenance, and even ownership by private companies, but the most far-reaching model, also a “fertile ground for corruption”, used with the aim to “jump from billions to trillions”, was devised by the World Bank. In 2011 it proclaimed that its arm in the private sector, International Finance Corporation, was “providing an innovative US\$ 50 million partial credit guarantee” to a longstanding client, the construction giant Norberto Odebrecht, in order to “support the development of infrastructure in Brazil and other Latin American countries”. Almost immediately, those funds were multiplied by a factor of 40, as IFC communicated it would support Odebrecht up to US\$2 billion – the initial 50 million were used to assure to further squeeze up to US\$ 250 million in surety bonds, directly supporting up to US\$ 2 billion in construction contracts in sectors such as power, water, roads, ports, airports, and irrigation.

The alliance between the World Bank and Odebrecht was so successful that a few months after this announcement, in July 2012 the IFC tested with the same construction firm a new model of public-private partnerships (PPPs), now aimed at education. Additionally, Odebrecht and four other construction companies (Camargo Correa, Andrade Gutiérrez, Queiroz Galvao and OAS Construction)

received billions of dollars from the Brazilian development bank BNDES to expand their operations in Latin America to Africa. While the model expanded fast, in 2014 a small department of the Brazilian federal police was starting the code-named 'Lava Jato' operation to investigate these five companies. For the meantime, José Luis Guasch, an economist formerly at the World Bank remarked that 78 percent of all transport PPPs in Latin America were renegotiated with an average of four addenda per contract and a cost increase of US\$ 30 million per addendum – contract changes that can be “fertile ground for corruption”. There was abundant research on the matter available at the World Bank in the first decade of this century to warn about the potential negative effects of PPPs. “Everyone knew that Odebrecht was doing this [...] collusion was clear from the beginning”, said Christopher Sabatini, a lecturer at Columbia University’s School of International and Public Affairs; it was only logical that corruption might be embedded in the model. When you have a firm that leverages public money to raise private money (e.g., from US\$ 50 million to US\$ 2 billion) and it only has one possible client (government), the temptation to influence that client through non-orthodox means might be too big. Yet, the World Bank not only went on with the model, expanding it from Brazil to all of Latin America (and in the process severely undermining incipient democracies) but even after the 'Lava Jato' scandal, it decided in the spring of 2017 to accelerate the global push for PPPs, with the aim of jumping “from billions to trillions” in infrastructure funding, following exactly the same ‘innovative’ model first tried with Odebrecht in 2011. Meanwhile in Brazil, 89 politicians and business people were convicted, sentenced to total of more than 1,300 years of prison time. Similar investigations were only starting in other affected countries. But the World Bank needed not fear. According to the country agreements that the Bank requires before operating anywhere, its officials are immune from prosecution by the host government [62, p. 154–156].

In the meantime, a bureau of moral endeavors was manifesting the intention to evaluate foreign firms based in Brazil and persuade them “to adopt increasingly

high patterns of transparency”. A project to make corporations more accountable in the eyes of the domestic market and society, in point of fact a forlorn hope since – while the bureau proclaimed that “we all must appraise corporate ethic conduct, more so we have the duty to impose an obligation on corporate promises to be carried out” – most Brazilians (83 percent, the highest among 78 countries) [63] believed that only “individuals can make a difference”. Oddly enough, popular idiosyncrasies were the decisive factor to change a routine police investigation into a party-political jihad and plea bargaining into a fetish, in what heedless of consequences that same bureau went on to call as the “biggest corruption scandal in history”.

At first, the press described it as the biggest corruption scandal in the history of Brazil; then, as other countries and foreign firms were dragged in, the world. The case would go on to discover illegal payments of more than \$5bn to company executives and political parties, put billionaires in jail, drag a president into court and cause irreparable damage to the finances and reputations of some of the world's biggest companies. It would also expose a culture of systemic graft in Brazilian politics, and provoke a backlash from the establishment fierce enough to bring down one government and leave another on the brink of collapse [4].

Scandal is a social reaction to a violation of socially invested trust in an institution or role. Societies seem to invest more in those roles and institutions closer to the center of the society. Such central institutions as law, government, and religion symbolize the identity of the society itself. Deviance in these central positions suggests something negative about the entire society, something the society may be unwilling to accept. It suggests that the society itself is deviant from its own standards of conduct. The unacceptability of this suggestion may be the source of the social outrage that is scandal [39, p. 61–62].

In Brazil, since 2014 conflicts of diverse nature have been exposed through reactions of affront and denial, converted by the media of mass communication into public displays of information and anger, the most preferred of which were

the revelations of bribe schemes resulting in “condemnations totalizing more than thousand years of imprisonment” [63]. No mention of the impact of convictions on effective corruption control, apart from comments on “much work remains to be done” to implement “wide-ranging reforms on the country’s political system” [64, p. 8–9]. In the case of business, on the other hand, the actions recommended should never be punitive, but in order to prevent companies from becoming a focus of bribery solicitation by corrupt government officials. A questionable feeling that companies “wish to escape from the trap of extortion” and “desire to earn recognition for their efforts to comply” [47, p. 14]. In another context, China, the punitive logic is preached and used more extensively, though up to a ‘standard’: the severity of a sentence varies according to the growth of national product – before 2016, those found guilty of receiving 100 thousand yuan of bribe were put to death; today, to face a firing squad someone must have embezzled at least 3 million yuan [65].

6. Disastrous choices

Such inconsistencies bring to memory a number of anticorruption tsunamis that brought many societies in disarray in name of ‘good governance’, ‘transparency’ and ‘responsibility’, which have in fact used corrupt practices as a pretext to repress political opponents. Circumstances old and new in which the purposes of morally flexible ‘men of good will’ evolved to become serious risks for social, economic and political stability – all the same their strategies were replicated and caused crippling damages to governments democratically elected, by means of:

1) encouraging a perception that politicians and basic democratic institutions are irretrievably corrupt, and in that way disseminating discontent and occasions for populist solutions;

2) obstructing resistance against authoritarianism by distorting and vulgarizing political debate, validating depoliticization and obsessive searches for ‘pure’ and ‘honest’ simple remedies for difficult problems;

3) sowing generalized skepticism about the feasibility of democracy and citizens' empowerment wherever corruption is 'systemic' or inherent to politics thereby resolved uniquely through muckraking, persecution and punishment;

4) bragging on anticorruption being the ultimate roadbed towards good governance, but actually a pretext to excoriate political opponents and endorse inequality, oppression and privilege [66].

The anticorruption struggle in new democracies of Asia, for example, after years of social conflicts, economic crises and political stagnation, served as an excuse for coup d'états. In terms of corruption reduction, however, the results of so much suffering were "minimal"; freedom of speech and the space of civil liberties diminished, forcing moral entrepreneurs to recognize that it would have been better "to put statistics, methodologies and classifications aside" and give priority to changes that countries really needed [67]. Such were the changes that those countries were promoting before the anticorruption struggles started, creating an unwholesome environment which precluded transformations. Conspicuously since 2013, when it began a systematic assault at democratic elected governments prone to financial and political influence from China and Russia, but also at others prone to "move more rapidly to carve out their own regional spheres: Turkey in the area of the old Ottoman Empire, Brazil in the Southern Hemisphere, and so forth" – none of them, however, would have "the requisite combination of economic, financial, technological, and military power even to consider inheriting America's leading role" [68].

And as the world after America would be increasingly complicated and chaotic, it is imperative that the United States pursue a new, timely strategic vision for its foreign policy – or start bracing itself for a dangerous slide into global turmoil.

The anticorruption struggle was an element of this "new, timely strategic vision" for the imperial foreign policy. Much as in the same way as human rights were used earlier as a means with the purpose to remove corrupt nationalist

military regimes in the Third World and replaced by corrupt, unassuming parliamentary forms. Yet, under the new circumstances, corruption would no longer be an economic issue but an asset for semi-scholars and semi-strategists to operationalize for multilaterals organisms like the World Bank.

The World Bank Group considers corruption a major challenge to its twin goals of ending extreme poverty by 2030 and boosting shared prosperity for the poorest 40 percent of people in developing countries. In addition, reducing corruption is at the heart of the Sustainable Development Goals and achieving the ambitious targets set for Financing for Development [69].

It is astonishing that, however, such a powerful organization, staffed with technical and political cadres of proven competence, took so many decades to realize that corruption was a “major challenge”. As a matter of fact, it only became aware after the media transformed sudden street protests against into public performances of remarkable nature: the raise of electricity bills in Bulgaria and bus fares in Brazil, the construction of a shopping center in a public park in Turkey, taxation of the Internet in Hungary, a project of a general amnesty law in Thailand, alleged telephone tappings in Macedonia, payment of taxes in Moldavia, restrictions of media coverage of parliament sessions in Poland, Ukrainian government refusal to accept a 610 million euros loan from the European Union when Russia offered cheaper gas and 15 billion, etc.

Previous in time, the world was shaken by the end of multilateral organizations’ honeymoon with a fanciful image of ‘market’, as hundreds of billions, probably trillions, of dollars of public money were made available to help banks and businesses from the consequences of their ‘corporate free-marketism’. From then on American public opinion got accustomed to president Barack Obama being depicted as “the true CEO of General Motors”, whilst another world leader, unloved at all times by “many international financiers, markets and Wall Street” [70], the Brazilian president Lula da Silva, when rebuffing those who blamed immigrants for the crisis, became the system’s bogeyman – on account of launching a “bizarre tirade”:

No black man or woman, no indigenous person, no poor person had been in any way culpable for the global banking crisis. The crisis was fostered and boosted by irrational behavior of white, blue-eyed people that previously seemed to know everything about economics, but who now have demonstrated that they don't know anything about it. The part of humanity that's responsible should pay for the crisis [71].

Government bailouts, to rescue corporations or countries that otherwise would be on the brink of failure or bankruptcy, were precisely the opposite of what the World Bank and other multilaterals recommended. Not long before that, WB experts regretted that governments and taxpayers were shouldering “the direct costs of banking system collapses – these costs have been large: in our sample of 40 countries governments spent on average 12.8 percent of national GDP to clean up their financial systems” [72, p. 3]. Not surprisingly therefore Lula was asking for “tougher regulation” of the financial sector, even though his resentful faultfinders claimed that “gave governments the chance to create a bigger state”. The president also reprimanded the media for being discriminatory and for demonizing, immigrants in particular, “most of whom”, according to him, “do not share the fruits of globalization, but, on the contrary, are its first and utmost victims”. Those harsh remarks aroused yet another chip on his shoulders from those who “seemed to know everything” but were caught in “ideological precepts”; hence their pangs of conscience when obliged to recommend market regulation through *good governance* – the “key to overcome challenges related to security, growth and equity” [69]. And yet there was another ‘key’: the struggle against the ‘source’ of all evil, corruption, which had to be confronted no longer at the level of public management or financial administration, but in the internal organization of the political system and at the level of relations between business, the state and civil society. Anticorruption became thus an industry, a never-ending endeavor of creating ‘myths’ that include fighting through “yet another anti-corruption campaign, the creation of more anti-corruption commissions

and ethics agencies, and an incessant drafting of new laws, decrees, and codes of conduct” [73, p. 88].

Multilateral organizations, at least as far as corruption and governance are concerned, exist so that the ‘international community’ can have a determining say on how individual countries, except the United States, are managed and controlled. Thus, while the World Bank endorsed Brazil’s good practices in initiatives such as WWP (‘World Without Poverty’) [74], the country was questioned by the IMF for leaving social expenses outside the calculation of fiscal deficits. Once again, this time by claiming that a ‘new regional sphere’ was bypassing fiscal goals, controlling currency and fixing the inflation rate, those ‘who know everything’ prefigured that the country was making “wrong choices” – by departing from the ‘spirit’ of good accounting, in a manner similar to the ‘creative accounting’ engendered earlier by Enron Corporation and Arthur Andersen LLP.

Meanwhile, real unfortunate choices were on the making in the legal systems of Brazil and those of other nations, as since 1990 juridical aberrations started to be transplanted from their home country where they are considered “inherently unfair and irrational, and objectively irrelevant if compared to any other appropriate penal procedure” [75, p. 652]. A remarkable consequence was the improper definition of corruption as ‘organized crime’ – a reflection of the ongoing cycle of fear and distrust of global influence in which corruption emerges as a ‘universal evil’, another ‘systemic octopus’, such as drug trafficking, spreading tentacles everywhere. Affected by those stereotypes new Brazilian legislation, for example, has encouraged an idea of existing ‘criminal organizations’, Mafia-like oligarchies that hold monopolies led by ‘Number Ones’. Those are in fact mere allegories that cannot portray organized crime (“several republics randomly interacting in an international division of criminal labor” [56] satisfactorily. Corruption, on the other hand, tends to be ‘systemic’ seemingly only once embodied deeply into an institutional texture:

Corruption gives rise to networks in which superiors tell subordinates how and when engage in corrupt practices. An obvious case was that of a young woman just appointed to work in a major executive division of a government. Still exulting with her personal accomplishments, she received her first paycheck but noticed that there was half a salary in excess. Astonished, she asked her boss what could have happened and how to return the money. Fatherly, the man told her to calm down and that the money was all hers, she could keep it. He also said that she would receive more every month provided she followed additional instructions from 'higher up'. What he didn't mention she discovered soon afterwards: that by failing to comply with those instructions she would not only cease from getting extra deposits, but would most certainly be transferred to a remote area or be forced to resign [76].

However, this is not all considering that experts may identify corrupt practices only in the public sector, whereas in the preferred term are 'fraud schemes' focused – in case of corporate fraud – on falsification of financial information, self-dealing by corporate insiders, or fraud in connection with an otherwise legitimately operated mutual hedge fund. They are a matter of fairly organized deception in absence of corruption or violence in which 'outsiders', criminal groups or firms lure inside a company with intent to facilitate crime, launder money or in some way take advantage of it.

The line between 'complicity' and 'corruption' is blurred and is a matter of interpretation. Notaries [for example] can abuse their position by helping shield criminal activities and their proceeds. They (but more often law-firms) could act as fronts to criminal companies, allowing these for instance to use their address as an official one. Various court experts are usually – employed by the defense or courts to provide expert assessment on evidence – also susceptible to corruption. A main reason why criminals corrupt company staff refers to cases when they intend to abuse the company for their own financial gain. Here the most frequent type of fraud refers to cases where a purchase or procurement officer

purchases a service or product that is not in the best interest of the company owners. The officer, though, receives a kickback [77, p. 120].

7. Prisoners of the journey

Enthused by over 300 condemnations and almost 3 thousand years of aggregated prison sentences, attained earlier by the ‘Maxiprocesso di Palermo’, a maxi-trial in Italy (1986–1987) against the Sicilian Mafia [78] Brazilian jurists built a chaotic picture of symbolic laws, less useful by their real value or utility than as tools to promote agencies whose power, “heated by the flame of personal vanity, tends to infinite” [79]. Hence the importation of a ‘new’ model of investigation, which despite having no legal or constitutional base (Supreme Court, *Brady v. United States*, 1970)⁴ is the determining factor to penalize 9 out of 10 suspects of crime in the United States – regardless of deficient complaints or if the accused, even innocent, will spend many years in jail. The only solace, to an embittered Supreme Court, is to discern plea bargain as a relief for the American penal system, made more ‘flexible’ thanks to a negotiating element with ‘mutuality of advantages’ for defendants and the justice system. The tool is truly a ‘safety valve’ for a system in an apparently irreversible critical state, from where it pops out as “the only factor between the administration of justice and the utter chaos”.

Without this practice, every defendant charged with an offense, however serious or benign, would have to go to trial. With the current resources, a person arrester today might have to wait a quarter of a century for his or her case to come up. Aside from expediency, however, the ‘virtue’ of plea bargaining for both the defendant and the prosecution is that it eliminates uncertainty – all sides generally prefer to opt for a ‘sure thing’. On the negative side, however, there are individuals innocent of any offense who would rather plead guilty to a negotiated offense than face the possible consequences of an adverse verdict. Alternatively, with the increased emphasis on drug control and the greater number of drug-related offenses reaching the courts some argue that plea negotiation is being

⁴ *Brady v. United States*, Application No. 270, Supreme Court, May 4, 1970.

misused. More specifically, it is claimed that in a number of jurisdictions an over-use of plea negotiation to relieve court backlogs has resulted in a near decriminalization of certain crimes. Although prosecutors can boast high conviction rates, the majority of felony cases result in reduction to misdemeanors and/or sentences of 1 year or less [80, p. 350].

In an entirely different legal context, where “negotiations must comply with the constitution and laws” – if not, “the effect will be the opposite of what is expected” [49] – the same stratagem has been presented as a factor of change. In fact, used on the assumption that corrupt practices must be punished speedily – those who take “a position against any aspect of plea bargaining are immediately labeled as in favor of corrupts” [48] – it misrepresents vital concepts such as offense, process and proof, downplaying their implications and value requirements. Reduced to an essentially political phenomenon corruption is seen as an element of a globalized cycle of fear and distrust regarding the liberal democratic system’s functions, values and pledges. Subject matter of negative feelings intensified with the 2007–2008 crisis to which the system relapsed after a brief period of recovery in 2015, this time taking Brazil with it.

Research reveals the largest-ever drop in trust across the institutions of government, business, media and NGOs. Trust in media (43 percent) fell precipitously and is at all-time lows in 17 countries, while trust levels in government (41 percent) dropped in 14 markets and is the least trusted institution in half of the 28 countries surveyed. The credibility of leaders also is in peril: CEO credibility dropped 12 points globally to an all-time low of 37 percent, plummeting in every country studied, while government leaders (29 percent) remain least credible. Fifty-three percent of respondents believe the current overall system has failed them – it is unfair and offers little hope for the future – while only 15 percent believe it is working and approximately one-third are uncertain. Even the elites have a lack of faith in the system, with 48 percent of the top quartile in income, 49 percent of the college-educated and a majority of the well-informed (51 percent)

saying the system has failed. The gap between the trust held by the informed public and that of the mass population has widened to 15 points, with the biggest disparities in the U.S. (21 points), UK (19 points) and France (18 points). The mass population in 20 countries distrusts their institutions, compared to only six for the informed public [81].

The systemic crisis resulted in destabilizing collisions in which both public and academic opinion seemed to have assimilated time-honored reductionist notions: Aristotle's 'constitutional deviations' (from middle-class rule), Machiavelli's 'degradation of virtues' (weakening of social/civic behavior, and propensity to vice or perversion – hence, 'corruption' with doctrinal connotations), and Montesquieu's 'perversion of political order' (partisan administration of law = perversion of law and denial of the rule of law). On these views depend most recent views of 'degenerative processes' affecting basic political structures and leading astray the capacity of citizens to bind themselves to the common good [82]. An historical recurrence led Sigmund Freud [83] to identify collective scenarios of anxiety and discontent, and their pathological consequences in the shape of feelings and dissolution of links with society and universe.

At present, Freudian cycles display worries and hassles somewhat diverse from older days, in which they were the offspring of excessive craving for balance and control [84]. Now they are portrayed as 'devilish incarnations': the 'corruption' (found everywhere), the 'globalization' and the 'immigration' (threatening economy, culture and safety), the 'erosion of values' and the 'pace of innovations' (exceedingly branched out and fast for certain people and cultures to follow and assimilate, so they are likely to be rejected forthwith). The first and last of these are precisely the avatars that have made Brazil, for example, one of the most uneasy nations of the world. For that matter, the most disbelieving countries, by order of lack of faith, are France, Italy, Mexico, South Africa, Spain, Poland, Brazil, Colombia, Germany, England, Australia, Ireland, USA and Netherlands. In them the 'loss of trust in the democratic system' is expressed through

(a) feelings of injustice (the system favors increasingly richer and indifferent elites); (b) hopelessness (hard work no longer compensates, new generations will not live better in future, governments are not taking the correct decisions not going in the right direction); (c) lack of confidence in existing leaderships; and (d) yearning for reforms (which only unwary populist leaders can conduct – confirmed by the profile of some present-day heads of state). [85]

It is no surprise therefore that in Italy – one of the nations most affected by ‘degenerative processes’ in last decades – has emerged during the 1990s a paradigmatic set of assumptions, concepts, values and practices of *anti-avatar intervention*: a nationwide judicial investigation known as (the internationally celebrated anti-corruption task force) ‘Mani pulite’. The lives of leading politicians were scrutinized, 500 congressmen and thousands of public officials were sent to jail, and four traditional political parties in government eventually disappeared. In the first elections after the close of the operation, 91.8% of voters declared that, after unemployment, corruption was for certain the most important national problem to be resolved. Twelve years later, however, only 0.2% of voters said the same; the extensive scenario of corruption persisted and there wasn’t any more public opinion interest on debating anticorruption measures. None of the involved in corruption scandals remained in jail and from the thousands involved, at least a hundred returned to public office. So much disheartenment that the main judicial figure in charge of investigations, judge Antonio Di Pietro, himself recognized that in future “there shall be in history books only a single line about Mani pulite” and even so not necessarily the correct one [86].

The Mani Pulite inquiries, it now seems, had only a short-term impact on corruption. The overemphasis on the role of magistrates, to whom civil society after 1992 delegated the task of renewing the political class and purifying the whole system, turned out to be a boomerang. Its political legacy has been an escalation of institutional tensions between political powers and the judiciary. Its social legacy has been a deep-rooted pessimism concerning the integrity

of political and economic elites; a delegitimation of almost all institutional authorities; reinforcement of the widespread tolerance of illegal practices. Its economic legacy has been a blurring of the lines of division between the market and state activities; deregulation and the emergence of mixed public/private arrangements in the delivery of public services, especially at local level; a multiplication of conflicts of interest due to the political careers of entrepreneurs, and the entrepreneurial vocations of politicians – factors which have made corruption more difficult to detect and sanction. The Mani pulite inquiries courageously exposed, but could not solve the issue of widespread corruption in Italy. An enduring improvement in the quality of public ethics would have required the specific interest and consequent action of leading political actors, or strong and enduring social support for an anti-corruption agenda. Neither condition, however, has ever been realized [87, p. 258–259].

Today, Italy ranks among the countries where institutions are less trusted; the disapproval of government institutions in particular remained above 70% during the last decade. In Brazil – where Mani pulite still is considered a “most impressive” and successful judicial crusade [88] – confidence in official institutions began to collapse in 2015, and is at present, on equal footing with South Africa, Spain, Argentina and France, one of the most distrustful publics of the world. Meanwhile, mainly in Germany, U.K., U.S. and Australia, trust rates in government are similar to Italy, although, differently from Italy, public opinion remains confident that Mani pulite (with the addition of ‘plea bargaining’) remains a ‘world paragon’, the most gifted contrivance in the world struggle against corruption. With the exception, yet again, of the United States, where at least according to an American judge, “it wouldn’t be appropriate to threaten to put someone in jail solely with purpose of extracting from him/her a negotiated charge of a felony. No judge would ever agree with it” [89].

In the intervening time, the World Bank prompts its clients to adopt ‘anti-corruption’ and ‘good governance’ as top priorities. The bank cries it out, but has

in point of fact for long practiced exactly the opposite, in accordance with which forcibly destabilizing young democracies with ‘innovating’ projects which indeed constitute breeding ground for corrupt practices and bad governance. All done with a sense of redemption under a salvationist atmosphere achievable through “spells of purification and exclusion” [90, p. 7] – characteristic of the ‘new’ standard instrument of investigation (plea bargaining) used, for example, in the case of the CEO of Latin America’s largest construction company. Accused of gross corruption, he had his sentence enormously reduced and modified to house arrest in exchange for incriminating political parties, former presidents and several of his African and Latin American associates. Until then, he was greatly instrumental for a World Bank’s smart money scheme to accelerate a global push for PPPs, aiming at jumping ‘from billions to trillions’ in infrastructure funding. “A fertile ground for corruption”, according to experts, and of which the bank was entirely conscious.

But the World Bank needs not fear. According to the country agreements that the Bank requires before operating anywhere, its officials are immune from prosecution by the host government [62].

8. The new standard

The adoption of US-style plea bargaining has reached ‘epidemic proportions’ as more and more countries persuade defendants to plead guilty and renounce traditional trial rights, a survey of international justice systems warns. The study of 90 countries by the human rights organisation Fair Trials reveals that use of such procedures has increased by 300% since 1990, boosting, it is alleged, the risk of miscarriages of justice. The US model has been the ideological inspiration for adopting trial-waiver systems worldwide, the study notes. The US government has provided development funding and technical support for rule of law projects, primarily through the Office of Overseas Prosecutorial Development and Training (OPDAT) sending out American prosecutors to train foreign judges and lawyers. Fair Trials says that use of trial waivers in some

countries has skyrocketed over the course of a few years because they are promoted as providing a more efficient form of justice. In Georgia, 12.7% of cases were resolved through plea bargaining in 2005 but that figure had soared to 87.8% of cases by 2012. In Russia, deployment of plea bargaining deals shot up from 37% in 2008 to 64% in 2014. In the first instance courts in Chongqing, one of China's major cities, use of 'summary procedures' – equivalent to trial waivers – increased from 61% in 2011, to 82% two years later. In South Africa, the number of similar 'plea and sentence agreements' increased by a third in 2014–15 [91].

There is apparently no allegory more appropriate for contemporary anticorruption 'pyramids' than Plato's 'ship of fools'. In his *stultifera navis* crewmen are constantly involved in conflicts; their misconduct and frequent abuses compel passengers to accommodate and even to take their attitudes as exemplary deeds. In Brazil, the political party of former president was chosen to be the main target of persecution, even though it had been the leading organization in the country to advocate and adopt of an internationally-recognized anticorruption bill. However, the statute soon sunk in a quagmire of pious feelings towards the judiciary as "fully capable of sorting things out and to evaluate the rationality of the legislation's consequences" [92]. Therefore, when that same politician was arrested on disputatious charges of corruption, he insisted in saying that "Operation Car Wash" was not a masquerade [93], so he was "not against" its focus on anticorruption. And as if that wasn't enough, persuaded that corruption should be dealt with imprisonment, as in Brazil, or capital punishment, as in China, Laos or Iran, he, one of the greatest grass roots leaders of all times, insisted that "bandits should always be caught and arrested" [94].

Keeping up the Platonian metaphor, in a previous article published in Russia [95] the author recapped Herman Melville's famous description of an insane hunting with no map or direction that, just like our anticorruption struggles, ended up adrift. In this paper he understood that, as acknowledged by Melville himself in his last book [96], the crux of the matter is not a 'whale', but a 'ship' that raises

anchor on April Fool's Day for a journey in which all on board will be brought face to face with everything they trust and belong.

Locked in the ship from which he could not escape, the madman was handed over to the thousand-armed river, to the sea where all paths cross, and the great uncertainty that surrounds all things. A prisoner in the midst of the ultimate freedom, on the most open road of all, chained solidly to the infinite crossroads. He is the Passenger par excellence, the prisoner of the passage [90].

Bibliography

1. Plato. The Republic. – 37 p. // URL: https://oregonstate.edu/instruct/phl201/modules/Philosophers/Plato/republire_book_one.pdf (access: 02.09.2019).
2. Schmitt, Carl. The theory of the partisan: a commentary/remark on the concept of the political. // Michigan State University Press: East Lansing. 2004.
3. Heimann, Fritz and Mark Pieth. Confronting corruption, past concerns, present challenges, and future strategies. // Oxford University Press: Oxford. 2018. URL: <https://www.pieth.ch/sites/default/files/inline-files/Heimann%20%20Pieth%20-%20Confronting%20Corruption%20-%20Chapter%207.pdf> (access: 02.09.2019).
4. Watts, Jonathan. Operation Car Wash: Is this the biggest corruption scandal in history? // The Guardian, Jun 1st. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jun/01/brazil-operation-car-wash-is-this-the-biggest-corruption-scandal-in-history>.
5. Bauman, Zygmunt. A note on mass culture: on infrastructure // Sociology of mass communications. Penguin: Harmondsworth, 1972. pp. 61–74.
6. Three ways to fight corruption in the media // Transparency International. URL: https://www.transparency.org/news/feature/three_ways_to_fight_corruption_in_the_media (access: 02.09.2019).

7. Eco, Umberto. Internet puede tomar el puesto del periodismo malo // El País, 2015. Mar. 29. URL: https://elpais.com/elpais/2015/03/26/eps/1427393303_512601.html (access: 02.09.2019).
8. Documento de Programa País para a República Federativa do Brasil, 2017-2021. // PNUD. URL: <https://www.undp.org/content/dam/brazil/docs/publicacoes/undp-br-cpd-2017.pdf> (access: 02.09.2019).
9. Organization for Security and Co-operation in Europe // OSCE Handbook on Combating Corruption, 2016. – 242 p.
10. Edelman Trust Barometer // Global Report, 2019. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2019-02/2019_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report.pdf (access: 02.09.2019).
11. Enzensberger, H. Constituents of a theory of the media // Sociology of mass communications, Penguin: Harmondsworth, 1972. pp. 13–36. URL: <https://ru.scribd.com/document/106829442/Enzensberger-Hans-Magnus-Constituents-Theory-Media> (access: 02.09.2019).
12. Bradshaw, P. The Great Hack review – searing exposé of the Cambridge Analytica scandal // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/film/2019/jul/23/the-great-hack-review-cambridge-analytica-facebook-carole-cadwalladr-arron-banks> (access: 02.09.2019).
13. McLuhan, M. Understanding Media: The Extensions of Man // Routledge: London, 1964. – 396 p. URL: <https://designopendata.files.wordpress.com/2014/05/understanding-media-mcluhan.pdf> (access: 02.09.2019).
14. Lock, I., Seele, P. Measuring Credibility Perceptions in CSR Communication: A Scale Development to Test Readers' Perceived Credibility of CSR Reports // Management Communication Quarterly. 2017. Vol. 31 (4). pp. 584–613.
15. McLuhan, M., Fiore Q. The Medium is the Massage: An Inventory of Effects // Penguin: Harmondsworth, 1967. – 157 p.
16. Lorenz, K. Die acht Todsünden der zivilisierten Menschheit // Taschenbuch Verlag: Munich, 1996. – 112 p.

17. Economics of corruption // The Becker-Posner Blog. URL: <https://www.becker-posner-blog.com/2005/08/economics-of-corruption--posner.html> (access: 02.09.2019).
18. Wilson, J. Varieties of Police Behavior: The Management of Law and Order in Eight Communities // Harvard University Press, 1978. – 326 p.
19. Antenore, A. Prefeitura de SP autoriza empreendimento irregular que inclui shopping e academia // Folha de S. Paulo, 1999. May, 10.
20. Posner, R. The real corruption is the ownership of congress by the rich // ProMarket: The blog of the Stigler Center at the University of Chicago Booth School of Business. URL: <https://promarket.org/richard-posner-real-corruption-ownership-congress-rich/> (access: 02.09.2019)
21. Google's revolving door (US) // Google Transparency Project. URL: <https://www.googletransparencyproject.org/data> (access: 02.09.2019).
22. Farrand, M. The records of the Federal Convention of 1787 // Yale University Press, 1911. Vol. 1.
23. The Papers of Alexander Hamilton, vol. 4, January 1787 – May 1788 / ed. Harold C. Syrett. // New York: Columbia University Press, 1962. pp. 187–195.
24. Fixed Fortunes: Biggest corporate political interests spend billions, get trillions // Sunlight Foundation. URL: <https://sunlightfoundation.com/2014/11/17/fixed-fortunes-biggest-corporate-political-interests-spend-billions-get-trillions/> (access: 02.09.2019).
25. Braudel, F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe et XVIIIe siècles // Le Conflit Blog. URL: <http://www.leconflit.com/article-civilisation-materielle-economie-et-capitalisme-de-fernand-braudel-100507892.html> (access: 02.09.2019).
26. Johnson, R. The Struggle Against Corruption: A Comparative Study // Palgrave MacMillan: New York, 2004. – 178 p.

27. Buchanan, P. Interviewed in “An unreasonable man”. Documentary film directed by Henriette Mantel and Steve Skrovan, 2006.
28. Ex-Rep. Jefferson convicted in bribery scheme // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2009/08/06/us/06jefferson.html> (access: 02.09.2019).
29. Levin, D. When the great power gets a vote: the effects of great power electoral interventions on election results // International Studies Quarterly, 2016. Vol. 60. Issue 2. pp. 189–202.
30. How has the United States handled human rights issues in the past and today? // The Advocates for Human Rights. URL: http://www.theadvocatesforhumanrights.org/human_rights_and_the_united_states (access: 02.09.2019).
31. McNamara, R. Official teacher’s guide for the fog of war // Documentary film directed by Errol Morris, Watson Institute for International Studies Brown University.
32. Fried, R. Nightmare in red: The McCarthy era in perspective // Oxford University Press: Oxford, 1990. – 256 p.
33. Pilkington, E. Why the UN is investigating extreme poverty ... in America, the world’s richest nation // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/dec/01/un-extreme-poverty-america-special-rapporteur> (access: 02.09.2019).
34. Reflections on the past, present, and future of the SEC’s enforcement of the Foreign Corrupt Practices Act // U.S. Securities and Exchange Commission. URL: <https://www.sec.gov/news/speech/speech-peikin-2017-11-09> (access: 02.09.2019).
35. Follow the dirty money // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2010/09/13/opinion/13mazur.html?mtrref=yandex.ru&gwh=4059F7ACE4F5D913AB1C0B3AEEC79E5D&gwt=pay&assetType=REGIWALL> (access: 02.09.2019).

36. Pohlmann, A. Folha de S. Paulo, 2015. Sept. 22.
37. Sherman, L. Scandal and reform. Controlling police corruption // University of California Press: Oakland, 1978. – 273 p.
38. Zucker, J. BRIC by BRIC, Anti-Corruption Reforms in the BRIC Countries // The Corporate Counselor, 2014. 11 (28), Feb. URL: <https://www.dechert.com/knowledge/publication/2014/2/bric-by-bric-anti-corruption-reforms-in-the-bric-countries.pdf> (access: 02.09.2019).
39. Business approaches to combating corrupt practices, OECD Working Papers on International Investment 2003/02 // OECD. URL: https://www.oecd.org/daf/inv/mne/WP-2003_2.pdf
40. Lawrence, C. Corporate corruption and government failure to act: who's running this country? // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/feb/02/corporate-corruption-and-government-failure-to-act-whos-running-this-country>
41. Vandekerckhove, W. Whistleblowing and organizational social responsibility: a global assessment // Ashgate: Farnham, 2006. – 356 p. URL: <http://www.cevi-globalethics.ugent.be/file/52> (access: 02.09.2019).
42. Brazil: follow-up to the Phase 3 Report & Recommendations // OECD. URL: <https://www.oecd.org/corruption/anti-bribery/Brazil-Phase-3-Written-Follow-Up-Report-ENG.pdf> (access: 02.09.2019).
43. A Lei 13.608, de 10 de Janeiro de 2018, criou o “Whistleblower”? // Meusitejuridico.com. URL: <https://meusitejuridico.editorajuspodivm.com.br/2018/01/17/lei-13-608-de-10-de-janeiro-de-2018-criou-o-whistleblower/> (access: 02.09.2019).
44. Jopson, Barney. “Trump to take first step towards dismantling Dodd-Frank reform”. Financial Times, 2017. Feb. 3rd. URL: <https://www.ft.com/content/ed2145d2-e9e3-11e6-893c-082c54a7f539> (access: 02.09.2019).
45. Secret sources: whistleblowers, national security and free expression // PEN American Center, 2015. Nov. 10. – 40 p.

46. Mazur, Robert. Banking on terror // Life printed daily, November, 28. 2010. URL: <https://www.robertmazur.com/wp-content/uploads/2015/06/mazur-tampa-trib.pdf> (access: 02.09.2019).
47. Pieth, Mark. “Collective action and corruption”. // Basel Institute on Governance: Basel, 2012. – 18 p. URL: https://www.baselgovernance.org/sites/default/files/2018-12/biog_working_paper_13.pdf (access: 02.09.2019).
48. Moraes, Alexandre. Plea bargaining – a comparison between the United States and Brazil // Fundação FHC, 2017. URL: <https://medium.com/fundação-fhc/plea-bargaining-a-comparison-between-the-united-states-and-brazil-55a59c80220f> (access: 02.09.2019).
49. Cardoso, Fernando H. Plea bargaining – a comparison between the United States and Brazil // Fundação FHC, 2017. URL: <https://medium.com/fundação-fhc/tagged/law> (access: 02.09.2019).
50. World Bank Institute. Fighting Corruption Through Collective Action – a Guide for business. 2008. // URL: https://www.globalcompact.de/wAssets/docs/Korruptionspraevention/Publikationen/fighting_corruption_through_collective_action.pdf (access: 02.09.2019).
51. The Soft Power 30. // URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf> (access: 02.09.2019).
52. U.S. Department of Justice/Bureau of Justice Statistics. The prosecution of felony arrests. // U.S. Government Printing Office, 1990.
53. The National Advisory Commission on Criminal Justice Standards and Goals // Courts, 1973. URL: <http://www.nlada.org/defender-standards/national-advisory-commission/black-letter> (access: 02.09.2019).
54. Helping countries combat corruption: the role of the World Bank // World Bank Group, 1997. URL: <http://www1.worldbank.org/publicsector/anticorrupt/corruptn/corrptn.pdf> (access: 02.09.2019).
55. Sergi, Anna. Organised crime in English criminal law: lessons from the United States on conspiracy and criminal enterprise // Journal of Money

-
- Laundering Control, Vol. 18, 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/273949882_Organised_Crime_in_English_Criminal_Law_Lessons_from_the_United_States_on_Conspiracy_and_Criminal_Enterprise (access: 02.09.2019).
56. Santino, Umberto. Fighting the Mafia and organized crime: Italy and Europe // Centro Siciliano di Documentazione “Giuseppe Impastato”, 2015. URL: www.centroimpastato.com. (access: 02.09.2019).
57. Sidoti, Francesco. Il crimine all’italiana // Ed Guerrini & Associati Libreria: Milano, 2012.
58. Arlacchi, Pino. Mafia business: the Mafia ethic and the spirit of capitalism // Schocken: Berlin, 1992.
59. Della Porta, Donatella and Alberto Vannucci. Corrupt Exchanges: Actors, Resources, and Mechanisms of Political Corruption // Transaction: Piscataway, NJ, 1999.
60. Moreton, Cole. How can you tell a multinational from the Mafia? You can’t // The Independent, 2016. Jan. 30. URL: <https://www.independent.co.uk/news/business/why-you-can-not-tell-the-difference-between-a-multinational-firm-and-the-mafia-a6843946.html> (access: 02.09.2019).
61. Stone, Clarence N. Regime politics governing Atlanta, 1946-1988. // University Press of Kansas; Lawrence, 1989. – 314 p.
62. Bissio, Roberto. Leveraging corruption – How World Bank funds ended up destabilizing young democracies in Latin America // Social Watch, 2017. Feb. 17. URL: https://www.2030spotlight.org/sites/default/files/download/Spotlight2017_2_17_Bissio.pdf (access: 02.09.2019).
63. Transparência Internacional. Transparência em relatórios corporativos. Um estudo sobre as 100 maiores empresas e os 10 maiores bancos brasileiros. 2018. // URL: <http://transparenciacorporativa.org.br>. (access: 02.09.2019).
64. Brazil: overview of corruption and anti-corruption // Transparency International, 2019. Jan. 28. – 23 p.

65. China raises corruption threshold for death penalty // South China Morning Post, 2016. April 19. URL: <http://www.scmp.com>. (access: 02.09.2019).
66. Andersson, Staffan and Paul M. Heywood. Corruption and democratic stability: on the unintended consequences of international anti-corruption campaigns // Governments, NGOs and Anti-Corruption. 2006.
67. Slow, imperfect progress across Asia Pacific // Transparency International, 2018. Feb. 21. URL: https://www.transparency.org/news/feature/slow_imperfect_progress_across_asia_pacific (access: 02.09.2019).
68. Brzezinski, Zbigniew. After America // The Foreign Policy, 2012. Jan. 3. URL: <https://foreignpolicy.com/2012/01/03/after-america/> (access: 02.09.2019).
69. Combating corruption // World Bank Group, 2018. Oct. 4. URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/governance/brief/anti-corruption> (access: 02.09.2019).
70. Barber, Lionel and Jonathan Wheatley. Interview transcript: President Luiz Inácio Lula da Silva // Financial Times, 2009. Nov. 8. URL: <https://www.ft.com/content/e0357680-cbbf-11de-924d-00144feabdc0> (access: 20.09.2019).
71. Chapman, James (2009). “‘White, blue-eyed bankers have brought world economy to its knees’: What the Brazilian president told Gordon Brown”. Daily Mail, March 27. URL: <http://nigeriavillagesquare.com/forum/threads/white-blue-eyed-bankers-have-brought-world-economy-to-its-knees.30869/> (access: 20.09.2019).
72. Honohan, Patrick and Daniela Klingebiel. Controlling the fiscal costs of banking crises // The World Bank/ Policy Research Working Paper, 2000. Sept. – 37 p.
73. Kaufmann, Daniel. Myths and realities of governance and corruption // World Economic Forum 2005, 2005. pp. 81–98.
74. World Without Poverty. // URL: <http://wwp.org.br/> (access: 02.09.2019).
75. Alschuler, A. W. The changing plea bargaining debate // California Law Review, 1981. № 69. pp. 652–716.

76. Scuro, Pedro. O pior cego acha que enxerga. Os limites do combate à corrupção sob a ótica punitiva, 2015. // URL: www.emporiododireito.com.br. (access: 02.09.2019).
77. Examining the links between organized crime and corruption // Center for the Study of Democracy/European Commission, 2010. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/doc_centre/crime/docs/study_on_links_between_organised_crime_and_corruption_en.pdf. (access: 02.09.2019).
78. Esparza, Pablo. Como está a Máfia 25 anos após o atentado que matou juiz da ‘Lava Jato’ italiana // BBC Brasil, 2017. Jun. 5. URL: <https://www.bbc.com/portuguese/internacional-40162317> (access: 02.09.2019).
79. Batochio, José R. Incriminação sob encomenda. MP inverte o que diz a lei e escolhe um acusado para, depois, procurar os fatos // Consultor Jurídico, 2016. Aug. 28.
80. Inciardi, James A. Criminal justice // Harcourt Brace College Publishers: Fort Worth, 1996.
81. Edelman Trust Barometer reveals global implosion of trust // Edelman Trust Barometer, 2017. Jan. 15.
82. Dobel, J. Patrick. The corruption of a state // American Political Science Review, 1978. №72 (3). pp. 958–973.
83. Freud, Sigmund. O mal-estar na cultura // L&PM: Porto Alegre, 2010. – 189 p.
84. Bauman, Zygmunt. O mal-estar da pós-modernidade. // Zahar: Rio de Janeiro, 1998. – 272 p.
85. Official site of 2019 Daniel J. // Edelman Holdings, Inc. www.edelman.com/research/2017-trust-barometer-global-results. (access: 02.09.2019).
86. Henneberger, Melinda. “10 years after bribery scandal, Italy still counts the cost”. // The New York Times, 2002. Feb. 24. URL: <https://www.nytimes.com/2002/02/24/world/10-years-after-bribery-scandal-italy-still-counts-the-cost.html> (access: 02.09.2019).

87. Vanucci, Alberto. “The controversial legacy of ‘Mani Pulite’: a critical analysis of Italian corruption and anti-corruption policies”. // *Bulletin of Italian Politics*, 2009. №1 (2). pp. 23–64.
88. Winter, Brian. “Why Sergio Moro took the job – and changed Car Wash forever”. // *Americas Quarterly*, 2018. Nov. 2nd. URL: <https://www.americasquarterly.org/content/why-sergio-moro-took-job-and-changed-car-wash-forever> (access: 02.09.2019).
89. Fellet, João (2016). “Lava Jato é exemplo mundial de combate à corrupção, diz juiz americano”. // *BBC Brasil*, 2016. Aug. 11. URL: <https://www.bbc.com/portuguese/internacional-37030120> (access: 02.09.2019).
90. Foucault, Michel. *História da loucura na Idade Clássica*. // *Perspectiva*: São Paulo, 1978. – 608 p.
91. Bowcott, Owen. “‘Global epidemic’ of US-style plea bargaining prompts miscarriage warning”. *The Guardian*, 2017. April 27.
92. Bottini, Pierpaolo and Igor Tamasauskas. “Impressões sobre a Lei Anticorrupção”. *Folha de S. Paulo*, 2014. Jan. 29.
93. Greenwald, Glen, Leandro Demori, Betsy Reed. “How and why The Intercept is reporting on a vast trove of materials about Brazil’s Operation Car Wash and justice minister Sergio Moro”. // *The Intercept*, 2019. Jun. 9. URL: <https://theintercept.com/2019/06/09/brazil-archive-operation-car-wash/> (access: 02.09.2019).
94. Biló, Gabriela. “Lula diz que é a favor da Lava Jato e que bandido seja preso”. *Agência Estado and R7*, 2018. Apr. 7. URL: <https://noticias.r7.com/brasil/lula-diz-que-e-a-favor-da-lava-jato-e-que-bandido-seja-pres0-07042018>.
95. Scuro, Pedro. “Borba s korruptsiei: na neizvedannyh dorogah”. / B. A. Bublik (ed.) // *Korruptsia*, USLU Press, Yekaterinburg, 2017. pp. 192–206.
96. Melville, Herman. *The confidence-man: his masquerade*. Dix, Edwards & Co.: New York, 1857.